

Олег Шелонин

Виктор Баженов

Царский сплетник

Журналисты сея Руси, объединяйтесь!

Олег Александрович Шелонин
Виктор Олегович Баженов
Царский сплетник
Серия «Царский сплетник», книга 1

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=632365
Царский сплетник: Альфа-книга; Москва; 2011
ISBN 978-5-9922-0759-0

Аннотация

Ведя очередное журналистское расследование о незаконном обороте оружия, Виталий Алексеевич Войко прекрасно знал, что в случае провала ему несдобровать. Но то, что это расследование сделает его, удачливого корреспондента, крупным криминальным авторитетом и видным политическим деятелем, не мог представить себе даже в самом кошмарном сне. Почему кошмарном? Да потому что раньше он и помыслить не мог, что ему придется играть роль царского сплетника при царе Гордоне, параллельно утрясая вопросы с такими одиозными личностями, как Кощей Бессмертный и таинственный Дон. А уж если в эти расклады вмешиваются боги, то...

Содержание

Пролог	4
Глава 1	11
Глава 2	15
Глава 3	24
Глава 4	31
Глава 5	40
Глава 6	47
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Олег Шелонин, Виктор Баженов

Царский сплетник

Благодарим Воейкова Виталия Алексеевича, чьи байки из жизни журналистской братии нам так понравились, что у нас тут же родился сюжет, который мы и отдаем на суд читателей.

Авторы

Пролог

День у Виталия Алексеевича Войко начался удачно. С самого утра главред «Рамодановского Вестника» собрал весь творческий коллектив в конференц-зале, где уже скопилась куча телевизионщиков, и в торжественной обстановке вручил удачливому корреспонденту, ведущему рубрику криминальной хроники, солидный конверт с премиальными за серию разгромных статей, резко увеличивших объем продаж газеты. Этим дело не ограничилось. После главного редактора слово взял майор милиции и долго рассыпался в неуклюжих реверансах в адрес сознательных граждан, к лучшим представителям которых Рамодановское УВД причисляет теперь Виталия Алексеевича Войко, благодаря журналистскому расследованию которого стало возможным задержание крупной банды контрабандистов, специализировавшихся на торговле антиквариатом. В завершение своей речи майор преподнес Виталику почетную грамоту и именные «командирские» часы.

Лучащийся черной завистью творческий коллектив разразился громом яростных аплодисментов. Виталик мысленно порадовался, что находится сейчас на подиуме рядом с главредом и майором, а не между ладошками своих сослуживцев. Однако не все коллеги готовы были растереть его между пальцев в порошок. Многие девицы из рекламного отдела аплодировали вполне искренне и даже игриво подмигивали, бросая на него благосклонные взгляды. Они явно намекали на то, что вечером совершенно свободны и готовы помочь ему промотать полученный гонорар в любом ресторане на его выбор.

Подборку для своей рубрики на следующий номер Виталий сдал еще накануне вечером, новых достойных для разработки тем пока не намечалось, а потому после торжественной части юноша сразу намылился именно в рекламный отдел. Сидеть тупо за компьютером и ловить завистливые взгляды коллег ему не улыбалось. Гораздо приятнее, распушив хвост, полюбезничать с девчонками из рекламного, а заодно немножко пошабашить. В их отделе народа всегда не хватало, так как зарплата напрямую зависела от процентов с рекламы (а они были весьма скромные), и потому добровольная помощь со стороны приветствовалась начальством. Был в работе рекламного отдела, правда, один небольшой плюс. Заказчики не всегда требовали обратно образцы своего товара, а потому у рекламщиков в сумке скапливалось довольно много самой разнообразной продукции. В основном это были маски, кремы, пробники, чтобы создать рекламный коллаж, а флакончик хороших французских духов в качестве презента был неплохим аргументом в борьбе за благосклонность прекрасных дам, к которым закоренелый холостяк Виталий относился очень и очень положительно. Ну а если говорить еще проще, то бабник он был еще тот! Ни одной юбки не пропускал, за что его пытались бить неоднократно, но, как правило, безуспешно. Бывший спецназовец срочной службы умел за себя постоять.

Однако с девочками полюбезничать юноше не удалось, так как с порога его перехватил начальник их отдела и сразу затащил в свой кабинет. Виктор Семенович знал, как подвешен

язык у Виталика, и, что если он выходил на промысел, минимум два-три заказа у отдела, считай, в кармане.

— А! Пересмешник! — закричал начальник отдела. Виктор Семенович с первых же дней работы Виталия в редакции называл его исключительно по псевдониму, под которым выходили статьи юноши. — Тебя мне сам Господь послал! Слушай, ты у нас сейчас герой. Твоя физиономия на всех экранах только что светилась. Как только ее в фирме увидят, сразу продлят нам контракт.

— Да я вообще-то на свободный промысел хотел... — попытался отбрыкнуться Виталик.

— Свободный промысел подождет. Продлишь контракт на рекламу — отблагодарю по-царски.

— Опять в пивнушку?

— Обижаешь! Гарантирую ресторан.

— Ух как все серьезно, — рассмеялся Виталий. — И с кем у нас проблемы?

— Oriflame, — досадливо поморщился Виктор Семенович, — срок старого контракта истекает, а новый заключать они не торопятся.

— Ладно, заскочу к ним. Сейчас у девочек список не охваченных нашей доблестной рекламой точек возьму, а потом займусь вашим Oriflame...

— Ни-ни! — всполошился начальник отдела. — Знаю я тебя, на полдня около этих вертихвосток зависнешь, а им еще работать надо. Тебе, кстати, тоже.

Пухлые пальцы Виктора Семеновича пробежались по клавиатуре компьютера, зажуужжал принтер и выплюнул из своих недр распечатку не охваченных рекламой еженедельника фирм.

— Иди, родной, иди! Но запомни: главное — Oriflame, остальные точки потом в свободное от основной работы время.

Вытолкав юношу за пределы отдела, Виктор Семенович на всякий случай подпер дверь ногой и замер в ожидании. Он слишком хорошо знал этого обормота и был начеку. Виталий потолкался в дверь с другой стороны.

— Эй! Мы так не договаривались!

— Вот контракт принесешь...

— Жестокий вы человек!

Сообразив, что полюбезничать с девочками сегодня уже вряд ли удастся, парень тяжело вздохнул, и его ботинки застучали по ступенькам лестницы вниз. Редакция располагалась на пятом этаже роскошного офисного здания, но тратить время на ожидание лифта удачливый корреспондент не привык, да и вообще считал, что ножками и быстрее и надежнее.

С Oriflame Виталий управился быстро. Утренний репортаж телевизионщиков из редакции шел в прямом эфире, и он сегодня действительно был героем дня. Благодаря бесплатной рекламе на ТВ ему везло и на новых точках, а потому задолго до вечера сумка, переполненная образцами продукции рамодановских фирм, уже изрядно оттягивала его плечо, а в ее боковой секции лежала кipa подписанных заказчиками контрактов. Нет, грех жаловаться. День был очень удачный, и его просто необходимо отметить кружечкой хорошего чешского пива в приличном заведении, благо финансы ему сегодня это позволяли. Только от машины надо избавиться. Его убитая рамодановскими дорогами «девятка» у гаишников была на особом учете. В прошлом году он в своих репортажах хорошо прошелся по доблестным блюстителям дорожного порядка, и они жаждали реванша. Зная это, Виталик всегда был начеку, повода для репрессий не давал и в дальнейшем давать не собирался. Закинув свою сумку в багажник, он на мгновение задумался. Бросить машину на стоянке поблизости или загнать ее в гараж? Стоянка вот она, рядышком, а до гаража еще через полгорода катить, огибая пробки и заторы. Рамодановские дороги уже давно не справлялись с резко возросшим потоком машин и вряд ли когда в будущем справятся, так как занятым борьбой за власть и раз-

воровыванием городского бюджета «отцам города» было недосуг заниматься такими мелочами. Вариант стоянки был самый быстрый. Симпатичный пивбар располагался буквально в двух шагах от нее. Вариант гаража удобней. Во-первых, он не платный, а во-вторых, находится прямо во дворе его дома, и завтра с утра проблем с транспортом не будет.

Вопрос: бросить машину здесь или ехать домой – решил телефонный звонок. Мобильник в кармане репортера завибрировал и разразился энергичными трелями. Виталий вытащил трубку, мельком взглянул на незнакомый номер.

– Слушаю.

– Это я, – просипел в ответ хриплый, пропитой голос.

– Кто я?

– Да ты чё? Не узнал? Это я, Хроник.

– Какой еще хроник? – опешил Виталий.

– Вася Привокзальный.

– Тьфу! – душевно сплюнул юноша. – Так бы сразу и сказал.

– Я так и сказал. Ты ж меня все время Хроником зовешь. Я думал, тебе так понятнее будет.

– Ладно, проехали. Да, а почему не со своей мобилы звонишь?

– Да тут один раззява попался. Кстати, хороший мобильник не нужен? По дешевке отдам.

– Да пошел ты! Ишь, барыгу себе нашел! Если только ради этого меня напрягаешь, можешь сразу засунуть себе эту мобилу в...

– Не! Ты чё, начальник. Я ж при понятиях. Это я так, для разговору, а вдруг у тебя мобилы нет?

– Вася, ты идиот? Я тут стою посреди проспекта, балакаю с тобой по сотовому...

– Ну ладно, начальник, чё к словам-то цепляешься? Я ж не просто так трезвоню, а по делу. У меня тут информашка для тебя есть. За пару пузырей могу слить.

– Разбежался. Ты мне сколько раз пургу гнал? Последний косяк и на стопарик не тянул, а ты с меня целый пузырь сдернул.

– Дык раз на раз не приходится! Но ща дело верняк! Ваня Леший в городе объявился. Виталий встрепенулся, словно гончая при звуках охотничьего рога.

– И что с того? – делано небрежным голосом спросил он. – Я вообще не знаю, что это за кент.

Пересмешник врал. О Ване Лешем он уже был наслышан, но тем не менее врал нагло и беззастенчиво. В самом начале своей репортерской деятельности Виталик усвоил золотое правило: если не хочешь, чтобы твои гонорары целиком уходили на информаторов, сбивай цену до последнего и расплачиваться старайся потом не шуршащими бумажками, а жидкой валютой. Это гораздо дешевле.

– Есть тут один прапор войсковой, – начал пояснять Вася Привокзальный, – крученный мужик.

– Ну и?

– Он тут с одной вумен ща рассекает.

– Вася, какой слог! Возвращаемся к интеллигентной жизни? Что за вумен?

– В годах баба, и явно деловая. На лицо глянешь – перекрестишься. Чисто смертный грех, а Лешак к ней со всем уважением. Обхаживает, словно невесту.

– Ну и пусть обхаживает. Мне-то что?

– Как что? Он ей большую партию оружия предлагает. И видать, оружие какое-то диковинное, навороченное.

– С чего ты взял?

– Так там суммы жуть! Я такие только по телику в боевиках видел. Ну которые у нас на вокзале крутят... Э, а я не продешевил? За такой расклад два пузыря... не, не пойдет. Ящик смирновки с собой вези.

– Да ты совсем оборзел, ханурик! – возмутился Виталий.

– Так дело-то какое! На миллиёны тянет!

– Вася, одна пятилитровая баклажка, и все!

– Чистого?

– Чистого.

– Согласен! Эх, гульнем!

– Где будет передача товара?

– Записывай координаты, Алексеич. Станцию сортировочную знаешь?

– Ну?

– Есть там за путями, где составы сцепляют, закуточек один.

– Да там этих закуточков...

– Возле старого склада. Да я тебе покажу. Там и схорониться есть где, и аппаратуру пристроить. Целую фильму снять можно – никто не заметит. Вот там сегодня вечером они по рукам и ударят.

– Вася, эта территория военными охраняется. Там вроде как военные составы формируют.

– Да какая там охрана? Два сонных борова с автоматами. Тьфу! Я там пару дырок знаю. Шмыгнем, и никто ничего не заметит. Но ежели чего, ты меня не знаешь, я тебя не знаю.

– Мм... ладно. Договорились. Тебя где ловить?

– Как обычно.

– Жди, через полчаса буду.

Виталий отключил телефон, сунул его обратно в карман и азартно потер руки. Если так дело пойдет и дальше, то скоро его потрепанную «девятку» можно будет сменить на более престижную машину. Как и положено приличному репортеру, у него всегда все было с собой. И аппаратура, и жидкая валюта аккуратно лежали в багажнике в ожидании своего часа, а потому юноша направил своего железного коня прямоком на вокзал Рамодановск-2. Рамодановск был главной транспортной развязкой огромного края, на территории которого вполне разместилась бы пара таких стран, как Франция, да еще и Великобританию воткнуть туда же до кучи, а потому одним железнодорожным вокзалом город обойтись не мог. Богатой фантазией «отцы города» (что прежние, что нынешние) не отличались, а потому называли их просто – Рамодановск-1 и Рамодановск-2. Вот на последнем-то и обосновался бывший артист Вася Привокзальный, давно уже ведущий полубомжевой образ жизни. Свою однокомнатную квартирку-развалюху он сдавал внаем, выручку честно пропивал, не брезговал пожить мелким воровством, а когда деньги кончались, мог за стакан поделиться свежей информацией со дна с теми, кто в ней нуждался. Разумеется, не со всеми. Вася был не так глуп, как на первый взгляд казалось, и обладал звериным чутьем на опасность. Спившийся артист интуитивно чувствовал, с кем можно иметь дело, а кто, в случае чего, его сразу сдаст. Он быстро перенял блатную феню (улица чему только не научит), начал косить под мелкую безобидную шушера, а его артистические способности, умение расположить к себе собеседника и остатки не до конца еще пропитого интеллекта помогали удерживаться на плаву и ни разу не попасться. Узнай деловые об его «коммерческих» связях с Виталием, и Васе конец. Разумеется, эти самые деловые Васю Привокзального во все свои секреты не посвящали, кто он для них такой? Но слухами, как говорится, земля полнится, а Вася умел держать нос по ветру, впитывал в себя свежую информацию как губка и всегда был в курсе последних событий.

Своего информатора Виталий заметил сразу. Изнывающий от жажды Вася ошивался у входа в вокзал, нервно смоля сигарку. Заметив машину Виталия, он сразу швырнул окурок в урну и направился в сторону сквера, примыкавшего вплотную к территории вокзала. Виталий припарковал машину, извлек из багажника черный целлофановый пакет, внутри которого пряталась пятилитровая баклага спирта, и неспешной походкой двинулся следом. В целях безопасности место для встреч Вася Привокзальный всегда выбирал сам и никогда не ошибался. Тенистый скверик был практически пуст, если не считать пары пожилых женщин с баулами, дожидавшихся своего поезда, и дрыхнувшего в кустах пьяного бомжа.

– Ну что, командир, где? – нетерпеливо ерзал на лавочке Вася Привокзальный.

– Держи свой бурбулятор.

Виталий плюхнул пакет на колени информатору и сел рядом. Вася тут же извлек из кармана потрепанного пиджака стакан, наполнил его до краев и жадно выпил.

– Э, чистый же!

– Нормально! – просипел Вася, вытащил из другого кармана бутылку пива, зубами скovyрнул крышку, и темная жидкость забулькала в его глотке.

– Ну ты синюк, – покачал головой Виталий. – Баклажку-то убери, не свети.

Василий суетливо затолкал пятилитровую емкость обратно в пакет.

– Слышь, начальник, откуда такой нектар берешь?

– Места надо знать. – У Виталия был выход на этот живительный источник, который ему обходился практически в сущие копейки, и делиться этим каналом желания не имел. – Давай о деле.

– Давай. – Вася извлек из бокового кармана своего пропыленного пиджака мобильный телефон. – Во, шеф! Еще одна фляга, и он, считай, твой!

– Да достал ты уже! – возмутился Виталий, однако, увидев телефон, невольно заинтересовался. Это была одна из последних моделей Nokia бизнес-класса. С навигатором и прочими прибабасами, она тянула на штуку евро. Это Виталий знал точно, так как в багажнике его машины лежал договор на рекламу именно таких моделей. – Слышь, придурок, а ты уверен, что за этот телефон ни тебе, ни мне потом башку не открутят?

– Не, – уверенно мотнул головой Вася, – он уже готовый был! Решит, что потерял.

– А ты мне еще с него и звонил... идиот! Ладно. Семь бед один ответ. В случае чего, скажу, что какой-то бомж предложил мне его купить по дешевке. А чтобы убедиться, что он работает, сделал звонок на мой мобильник.

Виталий спрятал телефон в карман и демонстративно уставился на Васю.

– Ну чего сидим, кого ждем?

– Так это... за телефон-то.

– Я тебе что, склад ходячий? И еще неизвестно, чем вся эта бодяга с мобилой закончится. Откуда я знаю, какого олигарха ты обул? Если все пройдет нормально, потом рассчитаемся. Так мне долго еще ждать?

– Ща, только пампурик в камеру хранения скину, и пойдем. Жди здесь.

Вася подхватил пакет с флягой и засеменил в сторону выхода из сквера...

* * *

Вася Привокзальный не подвел. Место для засады показал идеальное. Между бетонной стеной, отделявшей сортировочную станцию от внешнего мира, и стеной давно заброшенного двухэтажного здания склада можно было расположиться со всеми удобствами, укryвшись за грудой полусгнивших деревянных ящиков и остовами каких-то ржавых то ли машин, то ли станков. Здесь все вокруг густо поросло бурьяном, и, что самое главное, отсюда прекрасно просматривалась площадка, на которую не составляло труда подогнать несколько

машин и загрузить их так, что со стороны станции сортировочной никто ничего не заметит. На эту площадку Виталий и нацелил установленную на крыше склада камеру с инфракрасным объективом для ночной съемки. Это был, так сказать, резерв главного командования. Камера включалась дистанционно. Если придется быстро уносить ноги, информация не пропадет. За ней потом всегда можно вернуться. Он уже был ученый. Пару раз Виталика в подъезде поджидали герои его репортажей, недовольные творчеством ретивого корреспондента. В первый раз его выручила спецназовская выучка, во второй раз нарвался на профессионалов, против которых ничего не смог, и два месяца провалялся в больнице с пробитым черепом. С тех пор на дело он без травматического пистолета не ходил и сейчас, сидя в засаде, держал его под рукой. Проверив вторую видеокамеру, которой, в случае чего, можно будет пожертвовать, Виталий настроил и ее на ночную съемку, так как уже начало темнеть, и примостился за ящиками поудобней. Внешность Вани Лешего и его «вумен» Вася описал очень подробно, так что оставалось только ждать. Ждать пришлось долго. Репортер успел усидеть пару бутылок пива под шаурму и незаметно для себя задремал. День выдался все-таки хлопотливый.

Разбудили его тихие голоса и лязг металла. Встрепенувшись, юноша протер глаза, торопливо извлек из кармана пульт дистанционного управления, включил видеокамеру на крыше склада, после чего начал ловить в прицел объектива второй камеры героев будущего репортажа и мысленно чертыхаться. В небе сияла полная луна, и в ее серебристом свете все прекрасно было видно и без ночной оптики. Как это отразится на качестве съемки, он не знал.

Около двух навороченных иномарок стояла женщина в черном платке. Насчет того, что она страшна, как смертный грех, Вася Привокзальный соврал. Дама хоть и в годах, но все было при ней. Единственное, что ее портило, – это зубы. Они были кривые. И когда она улыбнулась, отвечая на какую-то реплику низкорослого бородатого мужика, у Виталика прошел мороз по коже. Юноша поспешил перевести камеру на собеседника «вумен». Точно. Это он, Ваня Леший, заросший до глаз бородой. Такая борода лопатой в Рамодановске только у него, и, если б не чисто славянская внешность, его можно было бы принять за абрека с гор. Одиозная личность. Бывший прапор, безбашенный авантюрист, который так ловко провоцировал свои дела, что ни разу не смог попасться на крючок спецслужб. Хотя при нынешней коррупции это неудивительно. Возможно, просто умеет правильно делиться. Так, а что у него в руках? Виталий настроил камеру на максимальное увеличение, пытаясь понять, что за оружие демонстрирует прапор клиенту. Опаньки! Снайперская винтовка с оптическим прицелом и глушителем. Стандартная СВД. И чего в ней такого навороченного? За что бешеные деньги? Вот разве что партия большая. Виталий уменьшил разрешение, чтобы охватить теперь картину целиком, и дисплей видеокамеры выхватил третье действующее лицо, присутствующее на сделке. Это была стройная девушка в спортивном костюме и черных очках. Она внимательно слушала Ваню Лешего, азартно рекламировавшего товар, и... Да, точно! Бывший прапор, кажется, учил их им пользоваться! Нет, не их. Только девушку. Однако! Это что ж за клиенты такие забавные? Девица на киллера, что ли, готовится? Или, как «Ворошиловский стрелок», решила за что-то мстить? А что, запросто. Бородач вон конкретно объясняет ей: как заряжать, куда смотреть, на что нажимать... Ну и ну! Становилось все интересней.

Внезапно Ваня Леший вздрогнул, повернул голову и уставился на груду ящиков, за которыми Виталий устроил свой наблюдательный пункт. Синхронно с ним в том же направлении посмотрели и его клиентки. В том, что увидеть его в этом укрытии невозможно, юноша был уверен: слишком далеко, да и темно здесь! Однако его явно почуяли. Виталика прошиб холодный пот. Как засекли, черт возьми?

Ваня Леший бросил в багажник машины винтовку и... исчез. У Виталия глаза полезли на лоб. Куда он делся? Оторвавшись от камеры, сужавшей обзор, он схватился за травматический пистолет, снял его с предохранителя и начал озиаться. Прапор как сквозь землю провалился. Пока он крутил головой в поисках Вани Лешего, исчезли и его клиентки. Внезапно пистолет, обрета самостоятельную жизнь, вырвался из руки корреспондента и отлетел в сторону.

– Ну что, касатик, вставай, – проскрипел за его спиной чей-то ехидный голос.

Виталий медленно повернул голову, ожидая увидеть Лешего, но над ним стояла «вумен».

– Я тут это, – залепетал застигнутый врасплох корреспондент, – по мелкой нужде.

– Ну да, – не стала возражать «вумен», одарив его такой улыбкой, что Виталику действительно захотелось по этой самой нужде. – Только, судя по позе, нужда у тебя крупная. Прямо в штанах нужду справляешь? Ай-яй-яй! Нехорошо такими делами в общественных местах заниматься.

– Я, если надо, штраф могу заплатить.

– Заплатишь, касатик. За все заплатишь, не сумлевайся.

Опасливо косясь на нее, Виталий начал подниматься, и тут слева от него послышался шорох. Юноша рывком повернул голову на новый источник звуков и получил по затылку сокрушительный удар...

Судя по тому, что он услышал, когда начал возвращаться слух, без сознания он был недолго.

– И что с ним делать? – рыкнул Лешак, вертя в руках документы Виталия. – Корреспондент краевой газеты. Вот ведь вляпались! Может, подскажешь чего, бабушка?

– Убивать нельзя, – вздохнула старушка. Теперь, вблизи, сквозь щелки глаз, юноша прекрасно видел, что это именно хорошо сохранившаяся старушка, а не бальзаковского возраста мадам.

– И в живых оставлять нельзя, – сердито буркнул Ваня Леший, – это ж борзописец. Его сегодня в утренних новостях показывали. Это же он клиентов Костлявого за решетку упрятал. Дело о контрабанде антиквариатом.

– Ну надо же, какой шустрый мальчик, – удивилась старушка.

Прапор засунул документы обратно в карман Виталия, извлек оттуда же навороченный мобильник неведомого олигарха, которого обчистил Вася Привокзальный, и начал довольно профессионально копаться в списке абонентов.

– Ого! Какие у него контакты, однако! Странно... да тут одни деловые!

– Любопытно, – пробурчала бабулька.

– Так что делать-то? – окончательно растерялся прапор. – Убивать нельзя и так оставлять нельзя. Что делать?

– Не волнуйся, Лешенька, – успокоила его старушка, – не оставим. Сделаем так, что и жив будет, и здесь его никто не найдет.

– Правильно мыслишь, бабушка, – услышал Виталий тихий, нежный голосок.

Стройная девица склонилась над корреспондентом, сняла с себя черные очки, и он начал тонуть в ее бездонных глазах, светящихся в темноте колдовским зеленым светом, под плавный речитатив старушки:

– Заведет тебя тропка дальняя до места заветного...

Глава 1

Солнечный зайчик плыл по подушке, медленно, но верно подбираясь к лицу юноши. Вот он добрался до его подбородка, пощекотал ноздри, коснулся ресниц. Виталий завозился на кровати. Лоскутное одеяло упало на пол. Веки юноши затрепетали. Он протяжно зевнул, открыл глаза и тут же подскочил как ошпаренный, сообразив, что отдыхать изволят не в своей уютной спальне. Перед глазами сразу поплыло, и он поспешил сесть обратно на постель. «Черт! Я что, вчера надрался? Вроде не было такого. Пара бутылок пива, и все. А что было? – Перед мысленным взором газетчика встали зеленые глаза красавицы. Юноша судорожно вздохнул. – Вляпался», – сообразил он и начал озираться.

Бревенчатые стены, под ногами деревянный пол, резное окошко в старорусском стиле, массивная дубовая кровать... Да-а-а, влип! На ограбление, конечно, непохоже, а вот на похищение – да. Виталик устался на деревянный стул около окна. На нем лежала аккуратно свернутая одежда газетчика, а рядом стояли его пухлая сумка и легкие летние ботинки. «Блин! Это они и мою «девятку» обшмонали?» Юноша точно помнил, что сумку с рекламным коллажем он с собой в засаду не брал. Она оставалась в багажнике машины.

Сам Виталик сидел в одних трусах на пуховой перине, пытаясь сообразить, что это за странное похищение: окошко нараспашку, дверь полуоткрыта... нет, на тюремные казематы или восточный зиндан эта горница явно не тянет. Опять же вещички здесь. Все цело.

В том, что цело не все, юноша убедился, сделав ревизию сумки. Парфюм, договора были на месте, и даже обе видеокамеры похитители в нее запихнули, а вот удостоверения личности и пистолета, которым он так и не сумел накануне воспользоваться, не было.

В принципе Виталику не впервой было просыпаться в незнакомом месте. Частенько, продрав глаза, он с удивлением обнаруживал себя в одной постели с голой девицей и на вопрос: «Э, а ты кто?» – получал звонкую пощечину. Как правило, в такие ситуации он влипал с дикого бодуна, но здесь расклад явно иной. Виталий торопливо оделся, подкрался к двери и, стараясь не дышать, выглянул наружу. В коридоре было пусто, но откуда-то снизу слышались приглушенные голоса. Парень подкрался к лестнице, выполненной, как и все здесь, из дерева. «Ну точно, кто-то из новых русских под старину косит», – сообразил он. Если второй этаж состоял из горниц, то первый – натуральная гридня для приема гостей и пиров. В центре гридни стоял большой стол, около которого сгрудились шесть мужиков славянской наружности. Одеты под стать терему, в котором находились: алые кушаки, подпоясавшие длинные белые рубахи, из-под них спускались мешковатые штаны, заправленные в яловые сапоги. Из образа русских мужиков выбивали только расписные тюбетейки на головах.

Виталий потряс головой, разгоняя туман. Он все никак не мог привести себя в чувство. «Может, они мне чего вкололи? – мелькнула тревожная мысль. – А что, запросто. Чтoб лежал тихо и не трепыхался раньше времени. А на что это они устались?» Юноша напряг зрение. На столе перед мужиками стояла большая чаша то ли с супом, то ли с отваром из каких-то трав, рядом лежал огромный круглый поднос, по ободу которого шустро катился желтый шарик... нет, не шарик – яблочко! Черная поверхность подноса на глазах начала светлеть. Вскоре на нем появились какие-то смутные контуры. Они становились все четче и четче. Изображение постепенно наливалось красками, и вот уже в нем отразилась девушка с цветком в руке, завернутая в розовую шелковую ткань. Девушка неспешной походкой шла по деревянному настилу моста через узкую речушку. «Бред! Неужели в больничку попал? Глюки, точно глюки! А эти с кушаками – санитары. И не рубахи на них, а халаты. Не дамся!»

Соображал Виталий все же плохо, так как ничего умнее элементарного побега из больнички придумать не смог. На цыпочках вернувшись обратно в «палату», юноша выглянул

в окно. Второй этаж. Не так уж и высоко, но аппаратура побьется. «Нет уж, на фиг, я не так богат, чтобы японскими камерами расшвыриваться». Сдернув с постели простыню, «больной» располосовал ее вдоль на три части, связал вместе и на этой импровизированной веревке аккуратно спустил вниз свою сумку с рекламным коллажем и аппаратурой. Виталий собрался уже перемахнуть через подоконник вслед за своими шмотками, как взгляд его затормозился на девушке, приближавшейся к дому. Эта была та самая, которую он только что видел на подносе в гриднице. А вот и мостик через речушку за ее спиной... Да что за черт! Юноша отпрянул от окна, еще раз помотал головой. А на девице ведь, похоже, сари. Типичная индуска.

Виталий уже совсем ничего не понимал и, самое главное, в глубине души не верил, что сошел с ума. Что-то здесь не так, и это «что-то» заставило его опять покинуть комнату через дверь и вновь подкрасться к лестнице, ведущей вниз. Ситуация в гриднице изменилась. Поднос одиноко лежал на столе, честно транслируя то, что творится снаружи. Девушка уже приближалась к высокому крыльцу с двускатной крышей, которая покоилась на прочных деревянных столбах, а добры молодцы расположились около входной двери с явно недобрыми намерениями. Кто-то извлекал из-за отворота сапога нож, кто-то разматывал веревку, кто-то уже держал наготове мешок, а двое смачивали тряпицы в чаше с отваром трав, словно собираясь использовать зелье в качестве хлороформа. На девицу явно готовилась засада, а вот этого Виталик стерпеть уже не мог, и он, недолго думая, с диким воплем: «Атас!!! Засада!!!» – чуть не кубарем скатился вниз, схватил стоящую у стены лавку и ринулся в атаку. Первый же удар смел половину отпрянувших от двери мужиков в угол и впечатал их в бревенчатую стену. Силушкой бывший спецназовец обижен не был, но инерцию преодолеть не смог, и она заставила его развернуться вместе с лавкой вокруг своей оси, за что юный витязь тут же и поплатился. Трое не попавших под первый удар противников, низкорослые, кряжистые мужички набросились на него сзади, словно свора цепных псов. К счастью, именно эта троица была вооружена веревками и мешком, а не ножами. Виталий выпустил из рук уже мешающую ему лавку и припал на колено, заставив одного из нападавших кубарем перелететь через него. Бедолага вмазался головой в противоположную стену и распластался около нее без чувств.

– Четыре-ноль! – азартно крикнул юноша, пытаясь вскочить на ноги, и получил мощнейший удар табуреткой по затылку. – Твою мать!!! Ну ребята, вам сегодня не повезло!

Удар не сокрушил его сразу, не сразил наповал, зато разозлил основательно. Если чего и не хватало бывшему спецназовцу, для того чтобы окончательно озвереть, так это именно такого вот весомого аргумента в виде табуретки. И хотя перед глазами юного бойца уже опять все плыло (удар табуреткой был неслабый), он вновь ринулся в атаку.

Застывшая около крыльца девушка с любопытством смотрела на лежащую под окном пухлую сумку из кожи неизвестного животного и напряженно прислушивалась к грохоту внутри гридницы. Она явно пыталась сообразить, что там творится. Ее босая ножка встала на первую ступеньку крыльца. Несколько мгновений девушка раздумывала, затем, чему-то улыбнувшись, благоразумно отступила в сторону и стала ждать.

Ждать ей долго не пришлось. Дверь с грохотом распахнулась, и на пороге появился жутко сердитый парень лет двадцати пяти с лавкой наперевес. Юноша потряс головой, судя по всему отгоняя от глаз звездочки, и затопал вниз, одновременно пытаясь стряхнуть с лавки прилипшего к ней головой мужичка в тюбетейке. Мужик не стряхивался. Его безжизненное тело волочилось вслед за лавкой, громяхая по ступенькам сапогами, и отцепляться категорически отказывалось. Парень остановился около девушки, посмотрел на нее мутными глазами и опять принялся трясти лавку.

– А ты ему на ножки наступи, – ласково посоветовала девушка.

Виталий мудрого совета послушался, наступил ботинком мужику на сапоги и дернул еще раз что есть силы. На этот раз помогло. Мужик рухнул на плотно утрамбованную землю около крыльца. Тюбетейка слетела с его головы, явив взору юноши беленькие симпатичные рожки. Виталий ахнул, посмотрел на лавку, освидетельствовал на ее поверхности характерные вмятины и понял, почему мужичок не хотел от нее отцепляться.

– Черт, – удивленно пробормотал он, откидывая в сторону лавку, еще раз помотал головой и уставился на девушку. – А ты кто? Если он черт, то ты наверняка ведьма!

– Я... – девушка на мгновение запнулась, – я Парва...

Удар юноша все-таки хороший словил. Плыло не только перед глазами. Звуки окружающего мира то накатывались, то затухали и были такими нечленораздельными, словно в уши натолкали ваты. Окончание фразы юноша не расслышал.

– Парашка? – переспросил Виталик, разглядывая красное пятнышко на лбу девицы.

– Пусть будет Парашка, – не стала возражать девушка.

Красавица крутила в руках цветок лотоса, с любопытством рассматривая Виталия.

– Э, Парашка, – опомнился юноша, – я там пятерых... – взгляд его упал на валяющегося рядом черта, – ...нет, шестерых завалил, а терем большой.

– Терем?

– Терем. Кто знает, сколько их еще там. Валим отсюда.

Виталий доковылял до своей сумы, взвалил ее на плечо, взял девушку за руку и потащил ее за собой. Однако не прошел он и пяти метров, как уперся в невидимую стену.

– Да что за невезуха сегодня! – простонал он, пытаясь прободать невидимое препятствие.

Парашка за его спиной засмеялась:

– Да на тебя никак заклятие наложили? Это кто же тебе тут устроил тюрьму?

Виталий медленно повернул голову в ее сторону и застыл с отпавшей челюстью. Вместо резного терема перед ним стояла старая мельница. Мерно шумела речная вода, падая на лопасти водяного колеса, где-то внутри вхолостую крутились жернова, скрипела, покачиваясь на легком ветерке, повисшая на одной петле входная дверь.

– Эк меня нечистый водит, – расстроился юноша.

Виталия качнуло, но девушка не дала ему упасть.

– Вот уж не думала, что меня здесь будет ждать такой прием. А ведь ты меня спасал, – ласково сказала она, пристально глядя ему в глаза. – Вижу, спасал. И не только спасал, но и спас. Отвар для меня неслабый приготовили. Такой отвар, да в чужих землях, одним махом все силы магические высосет... а ты интересный мальчик.

У Виталика сложилось впечатление, что странная девица читает летопись его недолгой жизни, выкачивая информацию прямо из мозга.

– И ты отважен, мой герой.

Девушка приникла к нему всем телом и нежно поцеловала в губы. Что-то обожгло его грудь. Виталий невольно вскрикнул.

– Да охренела ты, Парашка! – взвыл он, отрывая девушку от себя, и скосил глаза вниз.

Цветок лотоса, оказавшийся в момент поцелуя между ними, медленно просачивался сквозь рубашку, погружаясь в его тело.

– Отныне ты – мой воин.

– Фигушки, – упрямо мотнул головой Виталик, – я ничей! И нет такой Парашки, которая на меня хомут наденет!

Девица рассмеялась еще радостней:

– Кто знает, мальчик, кто знает. Однако позволь мне в благодарность за спасение хотя бы снять с тебя заклятие, а то ведь далеко от своей тюрьмы не уйдешь.

– Это давай.

В руке Парашки появился еще один цветок лотоса. Что-то тихо напевая, она поднесла его к лицу юноши. Виталия накрыла волна одуряющего аромата. Голова закружилась, и, чтобы не упасть, ему вновь пришлось схватиться за девицу.

– Умница, хороший мальчик. – Парашка помогла Виталию преодолеть невидимый барьер. – А теперь иди, – подтолкнула она его в сторону мостика через речку. – Эта тропинка приведет тебя куда надо.

Парень, как сомнамбула, послушно двинулся в указанном направлении.

– Да, глубоко проникло зло, – задумчиво пробормотала девушка, глядя вслед своему спасителю. – Ну что ж, раз мне на Русь вход заказан, то моему воину нет. Надеюсь, он оплатит кому надо за радушный прием сторицей.

Виталий ее уже не слышал. Он шел вперед к неведомой цели не разбирая дороги. Извилистая тропинка чем-то ему не понравилась, и он начал спрямлять петли, продираясь сквозь кусты и перелески. Взбирался по склонам крутых оврагов, с ходу форсировал речки, не задумываясь: а куда он, собственно, так спешит? Неведомая сила гнала его вперед, он шел без отдыха день и ночь и к полудню второго дня добрался до шумного портового города, в который его почему-то категорически отказалась впускать городская стража. Это так расстроило Виталика, что он тут же полез в драку. Перед его все еще затуманенным взором мелькали тела блюстителей порядка, которые разлетались, как кегли, отдельно от своих алебард, стоило им оказаться в зоне действия удара разбушевавшегося юноши. Доставалось иногда и случайно подвернувшимся под руку прохожим. Виталий использовал свои навыки боевого карате, но противников было слишком много, нападали они сразу со всех сторон, а потому исход битвы предугадать было нетрудно. Сокрушительный удар по затылку чем-то очень тяжелым заставил парня покачнуться. За последние двое суток это был уже третий удар. «Ну сколько можно по одному и тому же месту?» – обиженно подумал Виталик, оседая на землю. К счастью, он успел потерять сознание, прежде чем озверевшие стражники начали обрабатывать его вножную, и вот тут-то ему досталось по всем местам, куда сумели дотянуться их сапоги...

Глава 2

Сознание медленно, но верно возвращалось. Избитое, превратившееся в сплошной синяк тело нещадно болело. Виталий медленно открыл глаза, поднял свесившуюся на грудь голову, огляделся. «Чтоб я еще когда с Васей Привокзальным связался!!! Втравил в историю, гад!» Смутная надежда, что он проснется дома в своей уютной постели, не оправдалась. Бред продолжался. Он висел на цепях, прикованный к стене в подземных казематах. Это была самая натуральная средневековая пыточная, освещенная только светом факелов. В углу камеры около жаровни что-то мурлыкал себе под нос, раздувая мехи, здоровенный, голый по поясу бородатый и лысый детина в черной маске.

– Надо же! Хрестоматийный палач, – хмыкнул Виталий.

– Почему хрестоматийный? – обиделся детина. – Я наш, исконно русский. – Решив, что жаровня набрала достаточную температуру, палач бросил качать мехи и начал засовывать в малиновые угли с мерцающими над ними синими огоньками пламени пыточные инструменты. – Так, тут порядок, скоро созреют. Давненько я по профессии не работал, давненько... – Палач смахнул с лысины пот и приступил к настройке дыбы. – Слышь, малец, ты это... праздник мне не портить. Сразу не сознавайся. Покричи сначала чё-нибудь по-иноземному. Сатрапы там али еще чего ругательное скажи.

– Зачем? – Виталий хоть и пришел в себя, но явно не до конца, а потому немножко тупил.

– Струмент мне иноземный прислали, – пояснил палач, – все испытать хочу.

– Какой инструмент? – продолжал тупить корреспондент.

– Забавный, – оживился палач, – ножки злодея между хитрыми досочками зажимаются, клинышки в специальные пазы забиваются. Иноземцы говорят, безотказное средство, а царь-батюшка завсегда с каленого железа али с дыбы приказывает начинать. А народец-то хлипкий пошел. Лиходеи, ежели сразу не помрут, тут же виниться начинают. До испанских сапог дело не доходит. Одна надежда на тебя. Ты уж не подведи, милый. Зубки стисни, слюну накопи, в морду мою поганую харкни, ну а я тут как тут с сапожками...

– Фигушки! Я еще до дыбы все скажу! Так что туши свои железки, они мне без надобности.

– Ну вот, – расстроился палач, – как тут повышать эту... как ее...

– Квалификацию, – подсказал Виталий.

– Ну да. Это слово.

Юноша обратил внимание, что обнаженный торс палача был в многочисленных подпалинах и ожогах.

– Я так понимаю, инструменты сначала на себе испытывал? – деликатно осведомился он.

– Не, это я по первости лиходеев неправильно к допросу готовил. Я их каленым железом, а они ножками сучить начинали. Железки на меня отбить норовили. И ведь отбивали! Такие все шустрые оказывались... – наивно удивился палач. – Хорошо, царь-батюшка подсказал, чё делать надо. Таперича злодеям сучить нечем.

Виталий опустил глаза. К стене были прикованы не только руки, но и ноги.

– Слышь, сынок, а может, это... все-таки помолчишь, а? – жалобно попросил палач. – Ну хотя бы минут двадцать.

– А какой мне смысл молчать?

– Так ежели ты сразу все скажешь, тебя раз-два – и на плаху, а так поживешь еще... минут двадцать. На дыбе повисишь, испанские сапожки примеришь. А уж я расстараюсь. Щипчики самые лучшие возьму. Ноготочки рвать буду – не почувствуешь! А как до плахи

дело дойдет, топорик самый лучший подберу. Острый как бритва. Чик, и отмучился. Ну что? Договорились?

– Нет, не договорились! – решительно мотнул головой Виталий. – Все будет очень просто. Без дыбы, без железа. Ты спрашиваешь, я отвечаю.

– Да если б я спрашивал... – мечтательно протянул палач.

Топот множества ног и приглушенные голоса за стеной камеры прервали их беседу.

– Ваше величество. Я ест заявляют протест!

– Я тебе заявлю! Ща вот как скипетром-то...

– Царь-батюшка, – запричитал кто-то, – это же не парадный прием, там обычный разбойник. Зачем вам скипетр и держава?

– Для солидности. Чтоб заранее трепетал. Пусть знает, собака, на чьих людей руку поднял!

Дверь с треском распахнулась, и в пыточную стремительным шагом вошел плотно сбитый, крепкий мужичок с державой под мышкой, на ходу размахивая скипетром, словно дубиной. За его спиной развевалась горностаевая мантия, на голове сидела лихо сбита набекрень корона. Следом за царем в камеру просочился писарь с письменными принадлежностями в руках, высокий господин с лошадиным лицом в сером, явно иноземном кафтане и несколько стрельцов. Виталий с удовольствием освидетельствовал фингалы под глазами стражников, сообразив, чья это работа.

– Я буду жаловатца! – возмущался господин с лошадиным лицом. – Это ест произвол нат иноземный купец! Я как немецкий посол и глава купеческий гильтий...

– Слышь, Вилли Шварцович... – сморщился царь.

– Я ест Вилли Шварцкопф!

– Да мне до лампы, кого ты там ешь! Достал ты меня! Сказал же, все будет по закону! Сначала дыба, потом плаха. Чего тебе еще надо?

– Справедливый суд! Дыба – это ест произвол!

– Произвол – это то, что он на стражников моих напал.

– Это нато разобратца, кто ест на кого напал!

– Вот сейчас и разберемся. Малюта, дыбу готовь.

– А может, сначала сапожки, царь-батюшка? – с надеждой спросил палач.

– Дыба надежней.

Царь подошел вплотную к Виталию и начал рассматривать узника. Судя по недоуменному взгляду, державный увидел совсем не то, что ожидал.

– Федот!

К царю подбежал один из стражников. Красная шапка воина была оторочена дорогим собольим мехом, что говорило о том, что это был как минимум стрелецкий голова или сотник.

– Чего изволите, царь-батюшка?

– Это вот этот вот на вас напал? – ткнул скипетром в Виталия державный.

– Он самый, вражина! Не извольте сумлеваться! Лично ему рученьки-ноженьки вязал.

– Вот этот вот задохленький десяток моих лучших стрельцов... – Царь еще раз окинул взглядом юношу. По сравнению с мощными, массивными стрельцами Виталик и впрямь выглядел не очень представительно. – ...Да я вас всех... – Сбитая скипетром шапка стрельца полетела на пол. – Тоже мне сотник! Разжалую! Державу поддержи, мешается.

Федот покорно принял из царских рук большой шар с крестом и бережно держал в руках, пока царь-батюшка скипетром охаживал его самого, как говорится, в хвост и в гриву.

– Царь-батюшка, – взмолился писарь, – вы бы скипетр пожалели. Он ить золотой. А вдруг погнется?

– Твое дело маленькое, – пропыхтел царь, – писарское. Садись и пиши. Сейчас допрос снимать будем. Ишь, учить меня вздумал.

Спустив пары, царь отнял у сотника свою державу, отвесил ему напоследок хорошего пинка и повернулся к Виталию. Писарь тем временем поспешил сесть за столик, разложил перед собой бумаги, поставил чернильницу-непроливайку, макнул в нее гусиное перо и застыл в ожидании начала допроса.

– Ну сам все расскажешь али сразу на дыбу? – грозно спросил царь.

Не успел юноша открыть рот, как палач за него тут же ответил:

– Ничё не скажет, царь-батюшка. Я тут с ним уже потолковал. Ни в какую! Пусть меня режут, говорит, пусть бьют, пусть на дыбе подвешивают, ничё не скажу! А вот ежели испанские сапоги на меня примерить...

– Да задолбал ты меня своими сапогами, Малюта! Я тебя спрашивал? – возмутился царь.

– Так я ж в интересах дела, – стушевался палач, – чтоб, значит, время ваше драгоценное зазря не тратить.

– Правду мой палач говорит? – уставился на Виталика царь.

– Врет, – лаконично ответил юноша. – Наоборот, это он меня уговаривал молчать, пока меня пытать будут. Вы бы его проверили. Может, засланный какой?

– Что? – ахнул палач. – Это я засланный? Да я верой-правдой... Царь-батюшка, – рухнул на колени Малюта, – не верь супостату! Я свой! Исконно русский! Вот истинный крест...

Царь внезапно рассмеялся.

– А ты ловок, шельма, – погрозил он пальцем Виталию. – В первый раз вижу, чтоб палач перед узником на коленях стоял.

– Я не перед ним, я перед тобой, царь-батюшка, на коленях стою, а этого изверга я сейчас лично на дыбу аль куда прикажете...

– Помолчи, Малюта, – отмахнулся царь, – с тобой все ясно. Все с иноземными новинками носишься. И чего ты к этим сапогам привязался?

– Так вещь-то какая! Да ты на себе испробуй!

– Чего сказал?! – изумился царь.

– Ну тогда на нем, – ткнул пальцем в немца палач.

– Найн!

– Вот видишь, – повернулся к Виталику Малюта, – только ты остался, больше не на ком испытывать.

– Ваше величество, – устало вздохнул юноша, – наденьте на него намордник, и давайте наконец с этим кончать. Спрашивайте, чего хотели, а то мне уже надоело тут висеть.

– Ишь какой нетерпеливый... – Царь почесал скипетром затылок, заставив корону съезжать на лоб. – Ладно. Попробуем. Но отвечай как на духу. Кто таков? Чьих будешь?

– Так, давайте сразу определимся, – строго сказал юноша, привычно беря инициативу в свои руки, – что буду я ничьих. Я сам по себе. Свободный человек. Никому не принадлежу и никому не подчиняюсь. Это во-первых. Во-вторых, зовут меня Войко Виталий Алексеевич. Теперь ваша очередь.

– Какая еще очередь? – опешил царь.

– Культурные люди, – пояснил юноша, – прежде чем приступить к светской беседе, обычно сначала представляются друг другу. Я представился. Теперь ваша очередь.

– Я так и знат! – возликовал глава купеческой гильдии. – Он ест культурный человек! Русиш найн! Иностраннный поттаннный!

– Да помолчи ты, зубная боль! – сморщился царь. – Ладно. Так и быть, представлюсь: царь Гордон... стоп, а ты что, обо мне ни разу не слыхал?

– Не-а, – мотнул головой Виталий, – я не местный.

– Ну да... мои подданные так не одеваются. – Гордон окинул довольно необычный для этих мест наряд юноши. – Ну давай, иноземный гость неместный, рассказывай: кто ты такой, откуда, как сюда попал, зачем стрельцов моих побил?

– Вообще-то я не иноземный, – вздохнул Виталий. – Не местный, но и не иноземный. Русский я.

– Чем докажешь? – бодро спросил царь.

– Тебе что, паспорт, что ли, показать? – разозлившись, перешел на «ты» Виталик.

– А что это такое?

– Ну... удостоверение личности. Свидетельство о том, что я живу в России. Прописан в Рамодановске.

– Прописан? – заинтересовался Гордон. – Ты что, ЦПШ прошел?

– Если речь идет о церковно-приходской школе, то нет. Я академию заканчивал.

– О! Ви ест ученый? – оживился Вилли Шварцкопф. – Кельн? Оксфорд?

– Рамодановский филиал Московской академии. Журфак.

– О! Эр ист френч, француз! Все! Ваше величество, он не ест ваша юристикция.

– Любой иностранный шпион есть моя юрисдикция, – жестко сказал царь, и, почувствовав в его голосе металлические нотки, глава купеческой гильдии поспешил заткнуться. – Он только что сказал, что русский. Тогда при чем здесь Франция?

– Я и есть русский, – подтвердил Виталий. – А журфак – это факультет журналистики. Обычная аббревиатура.

– Гм... говоришь вроде по-русски, – удивился царь, – а слова иноземные. Даже я таких не знаю. Шпрехен зи дойч? – внезапно рявкнул он.

– Найн! – чисто автоматически ответил юноша.

– Вот он и попался, шпиён иноземный!!! – радостно завопил палач. – Ну царь-батюшка, ты – голова! Можно теперь на него сапожки примерить?

– Что на это скажешь? – весело спросил Виталика царь.

– А то и скажу: найн! По-немецки я совсем ни бум-бум. Немножко читаю со словарем, и все. Вот если б ты спросил: ду ю спик инглиш? – был бы другой расклад. Английскому нас учили серьезно. Я же журналист. Без английского нам никак нельзя. Правда, его я тоже не знаю. Вернее, знаю на уровне: три пишем, два в уме. Чуть из академии из-за него не выгнали, – честно признался юноша. – Так что можно считать, читаю со словарем.

– Это как? – не понял царь.

– Это так. Берешь английский текст и за каждым словом ныряешь в англо-русский словарь. Языки мне никогда не давались. Но ничего, я ж на русском пишу. Читатели пока не жаловались.

– Хочешь сказать, что ты писарь?

– Ну да.

– Царь-батюшка! – заволновался писарь. – Не верю я ему! Ну какой он писарь? Ты на рожу его срамную синюшную посмотри! Да разве писарь одними ручками да ножками твою царскую охрану так бы раскидал? Как он стрельцов гонял! Человек двадцать с ним справиться не могли, пока он случайно Ваньку Левшу не зацепил да его штоф водки не разбил. Да если б Ванька нашим исконно русским оружием – дрыном – его по затылку не благословил, ни за что б не взяли. Так бы до сих пор городскую стражу и гонял.

– Да-а-а... – почесал затылок царь, – согласен. Подозрительный писарь. Ну-ка тащите сюда его суму.

Приказание было выполнено молниеносно. Царь Гордон сел на корточки и лично начал копаться в вещах Виталика. Видеокамеры и цифровой фотоаппарат поставили его в тупик.

– Это еще что такое? – Повертев фотоаппарат в руках, он случайно нажал кнопку съемки. – Ай! – Яркая вспышка осветила пыточную.

– Нападение на царя!!! – завопил сотник.

– Не ори, живой я, – осадил его Гордон. – Ух ты! – ахнул он, увидев на дисплее фотоаппарата свою изумленную физиономию. – Да ты еще и колдун, шпион. С тобой надо держать ухо востро.

– Дарю, – тут же среагировал Виталий.

– Благодарствую. А тут у нас что?

Царь извлек из сумки элегантный флакончик, откупорил крышку, и по пыточной разлился тончайший аромат французских духов.

– Я же говорил! – не удержался Вилли. – Он ест заморский купец!

– А вдруг тать? – усмехнулся Гордон. – Вдруг ограбил кого?

– Да никого я не грабил! – Виталию все это уже порядком надоело. – Это обычный рекламный коллаж. А духи и впрямь заморские. Я его читателям рекламирую, чтобы объем продаж увеличить. Работа у меня такая. Вообще-то нет. Работа у меня другая, а это не работа, а приработок. У меня другая специализация – криминальная хроника. Веду отдельную рубрику в еженедельнике «Рамодановский Вестник».

– Ну вот, опять словами непонятными говорить начал, – вздохнул царь. – Давай-ка по порядку. Откель ты все-таки будешь?

– Из Рамодановска, – сердито буркнул Виталий.

– Что такое Рамодановск?

– Город.

– Где он находится?

– В России.

– Я такого города в своем государстве не знаю, – покачал головой Гордон.

– Ну Русь-то, она большая, – удрученно вздохнул Виталий. – А у тебя, кстати, Русь большая?

– За десять ден верхом не обскачешь, – гордо сказал царь Гордон.

– Ну тогда можно сказать, что Рамодановск за рубежом.

– То ест иностранный поттанный, – опять не удержался от реплики Шварцкопф.

– Федот, гони его в шею, – не выдержал наконец Гордон.

Протестующего немца выволокли из пыточной.

– Я ест протестоват! Я буту жаловатса!

Как только его крики затихли вдали, царь продолжил допрос:

– Итак, ты из города Рамодановска, который находится за рубежом, но почему-то на Руси, то есть в моем государстве. И как же получилось, что я такого города не знаю, не объяснишь?

– Я ж говорю, Русь большая. Может, ты какой городишко и проглядел.

– Деревеньку мелкую еще могу проглядеть, но город... И много в этом городе жителей?

– Согласно последней переписи населения полтора миллиона.

– Издеваешься? – разозлился Гордон. – Да во всем моем государстве столько народу не наберется. Малюта, тебе сегодня повезло. Готовь испанские сапоги.

– Слушай, царь, – поморщился Виталий, – не помогут тут ни сапоги, ни дыба, ни каленое железо. Ничего не поможет.

– Это еще почему?

– Потому что, как бы складно я ни врал, ты все равно не поверишь, а если правду расскажу, и подавно. Я и сейчас вишу тут на цепях и не могу понять, во сне я или наяву? Такого со мной еще никогда не было. Рассказать кому – бред! Никто не поверит. Не, все равно ничего не получится.

Гордон взял видеокамеру, задумчиво повертел ее в руках.

– А ты попробуй, – предложил он, – может, и получится. Эй, табуретку сюда!

Палач тут же поставил перед державным табуретку с дыркой посередине. Царь заглянул в отверстие, увидел торчащий оттуда кол и кротко дал палачу в ухо.

– Идиот! Табуретку для меня, а не для узника!

Стрельцы поспешили подсунуть под сиденье царю-батюшке кресло, он примостился на нем напротив Виталия и приготовился слушать.

Терять юноше все равно было нечего, и он начал рассказывать. Все без утайки. Все, что произошло с ним за эти сумасшедшие дни. И что интересно, Виталий видел по глазам державного, что он ему верит. А как только юноша дошел в своем рассказе до Вани Лешего, Гордон тут же приказал всем стрельцам, кроме сотника, покинуть камеру. Писарь едва успевал строчить, конспектируя исповедь корреспондента. Из-под гусяного пера во все стороны летели чернильные брызги.

– Да, забавную историю ты мне рассказал, Алексеич. Не все, правда, понял. Как, например, понять терем в русском стиле? Ну я про тот терем, где ты с чертями встретился? Что, есть еще какой-то стиль?

– Конечно. Ренессанс, готический, ампири...

– Да, вампиры нас достали. Много в последнее время здесь развелось нечисти поганой, иноземной. Жалобы на них уже не раз поступали. Ну с чертями все ясно. На чертову мельницу тебя занесло. Редко кому оттуда живым уйти удавалось. Знатный ты витязь, раз сумел отбиться.

– Так я до академии воином был. В армии служил. Спецназ. Много чему научили.

– Парашка твоя тоже девица странная. Непростая девка, ой непростая. Околдовала тебя, видать, потому и в драку с моей стражей ты с дуру ума полез. Все равно многое непонятно мне. Ясно только, что какая-то неправильная у тебя Русь... ну та, в которой Рамодановск. Как ты сказал? «Доведет тебя дорожка дальняя до места заветного»?

– Ага. Так эта мадам и сказала.

– И с этим понятно. А вот из того, что ты мне тут про Рамодановск рассказывал, многое не понял, – честно признался царь.

– А ты спрашивай, объясню, – предложил Виталий.

– Что такое редакция, в которой ты служил?

– Ну средство массовой информации. Газету мы там выпускаем.

– Что такое газета?

– Буковки на листке. Все последние новости туда заносятся, люди читают и узнают, что в мире вокруг интересного происходит.

– Так ты все-таки писарь, выходит?

– Ну типа того. Я ж говорю, криминальную хронику в нашем еженедельнике веду. Вот, – скосил Виталий глаза на наручные часы, вместе с рукой прикованные к стенке, – наградили недавно за разоблачение группы опасных преступников.

– Так, опять не понял. Тогда ты, выходит, из стражников, а не из писарей.

– С чего вы взяли?

– У нас преступников стражники из Разбойного приказа ловят, ну и стрельцы им порой помогают.

– А у нас милиция. Ты неправильно понял, царь. Я их не ловлю. Я их изобличаю. Журналистское расследование провожу. А когда преступник изобличен, остальное уже дело техники. Стражникам их тогда только взять за жабры остается. Мне главное – все это потом красиво в печати подать, чтобы народу интересно было.

– Это ж какое расточительство, – не выдержал писарь, – бумагу на сплетни всякие переводить. На ней только слово Божие да указы царские писать надобно. А они сплетни, – сокрушенно покачал головой писарь, – тут донос порой настрочить не на чем...

– Тебе слова не давали, помолчи, – рыкнул на него Гордон и задумался. – А что, Лексеич, у меня, в моем царстве-государстве, такое дело наладить сможешь?

– Не простое это дело, – честно признался Виталий. – Одному трудно поднять, но попробовать можно.

– Зачем одному. Я тебе в помощь летописцев дам. Штук пять.

Юноша усмехнулся. Царь намек понял.

– Мало? Ладно, десять. Ты говорить будешь, они писать. Потом перепишут, размножат.

– И какой получится тираж? – нейтральным тоном спросил юноша.

– Не понял.

– Сколько копий после переписи получится?

– Ты что, и впрямь больной? – насторожился царь. – Копья у нас кузнецы да столяры мастерят.

– Прошу прощения, неправильно выразился. Сколько этих газет получится? В штуках сколько? Меня количество интересует, – уточнил Виталий.

– Сейчас узнаем. Слышь, Прошка, сколько можешь за день листов переписать?

– Так это смотря чего. Ежели слово Божие, Библию каллиграфическим почерком переписывать, то страницы три, а то и четыре за день осилю.

– А если не каллиграфическим почерком?

– Корявым? Так непонятно ж будет.

– Неважно. Отвечай.

– Корявым листов десять, а то и больше смогу.

– Угу. Значит, десять писцов за день... ого! Сто листов настрочить могут! – обрадовался царь. – Чем тебе не газета? Хороший тираж? – с удовольствием просмаковал новое слово Гордон.

– Ну как вам сказать... – дипломатично хмыкнул юноша.

– А у вашей газеты какой был тираж? – насторожился царь.

– Сто тысяч, – коротко ответил Виталий.

– Сколько? – дружно ахнули царь и писарь.

– Сто тысяч. Причем газета была из сорока листов формата... вот почти такого размера, как у меня руки сейчас раскинуты, – юноша опять покосился на свои прикованные к стене руки, – и на каждой странице цветные картинки.

– С ума сойти... Так, а где ж я тебе столько писцов найду? – оторопел царь, затем посмотрел на измученное лицо Виталия и коротко приказал: – Расковать его быстро!

На палача было больно смотреть, пока он снимал цепи со своей жертвы. Как только последняя цепь была сбита, Виталий обессиленно сполз по стене на каменный пол. Рубашка на теле юноши при этом задралась, обнажив синюшное от кровоподтеков тело.

– Эх тебя... – сочувственно сморщился царь. – Сто тысяч... и что, все это читают?

– Конечно, – кивнул журналист. – Раскупают и читают. И редакция неплохие денюжки на этом имеет. Это дело прибыльное, если за него возьмется хороший профессионал.

– А ты хороший профессионал?

Виталий уже понял, к чему клонит царь.

– Хороший. Но предупреждаю сразу, такой тираж, как в «Рамодановском Вестнике», я обеспечить не смогу.

– А мне такой и не нужен, – успокоил его царь. – У меня во всем государстве столько грамотеев не наберется. Тысяч пять в неделю осилишь?

– Сразу нет. Такое дело враз не одолеешь. На раскачку время нужно. Но через полгода и десять тысяч в неделю выдавать буду.

– Заметано. Что тебе для этого потребуется?

– Деньги. На первые закупки инструмента и материала.

– Сколько?

– Местных цен не знаю. Потом скажу. Далее, помещение под типографию найти надо...

– Типографию?

– Мастерскую, где газету делать буду, – пояснил Виталий. – Ну и еще денежки лично мне. Я, понимаете ли, имею странную привычку ежедневно кушать, причем делаю это не менее трех раз в день. Опять же мне еще на постой определяться, а даром меня вряд ли кто пустит.

– С золотишком нет проблем. Отсыплю. С постоем тоже разберемся. Жить у меня будешь.

– Это как? – нахмурился Виталий.

– В палатах царских.

– Ну не-э-эт... – замотал головой юноша, – так не пойдет.

– Это почему?

– Да если я у тебя под боком жить буду, мне сразу все в три пояса кланяться начнут. Ни из кого слова лишнего не вытянешь. А наш брат корреспондент нос по ветру держать должен. Нет, не так... против ветра. По ветру много не учуешь. Кто что слышал, кто что знает. Все сплетни нужно собрать, выудить оттуда рациональное зерно и красиво это подать на страницах газеты или журнала. Скажем, боярин Хрюшкин или боярин Брюшкин ляпнул что-то не то про царя-батюшку али родное государство охаял, а мы его тут и пропечатаем в газете, заклеим позором! Пусть попробует потом отвертеться!

– То, что надо! – восхитился царь. – Ах, какая замечательная вещь эта твоя газета!

– Но теперь-то ты видишь, царь, что мне просто необходимо жить отдельно? Иначе, считай, полная дисквалификация, а на это я пойти не могу.

– По рукам. Назначаю тебя царским сплетником! Но смотри, Лексеич, ежели через полгода ты мне пять тысяч тиражу не дашь...

– Да ты дай мне сначала из тюрьги выйти, а потом уже спрашивай, – возмутился Виталий.

Царь отрывисто рассмеялся:

– А ты, Лексеич, боевой. Думаю, мы с тобой поладим.

Юноша криво улыбнулся в ответ разбитыми губами, попытался оторваться от стены и подняться, но вместо этого со стоном завалился на бок. Избитое тело отказалось слушаться.

– Неплохо над тобой стрельцы поработали, – озаботился Гордон.

– Может, лекаря иноземного позвать? – виновато вздохнул Федот.

– Еще чего! Лексеич у нас теперь ценный человек. Этим коновалам его жизнь доверять нельзя. Я нашим ведуньям больше верю. К травнице его на постой определим. Негоже бабе одной в пустом доме без защиты жить, а Лексеич – витязь знатный. И ей будет на кого, в случае чего, опереться, и подлечит, и за постой много не возьмет, – удовлетворенно хмыкнул рачительный Гордон. – Мужик в доме дорогого стоит.

– Э! Вы что, меня к старой карге подселить решили? – заволновался Виталий.

– А я тебя что, в ее постель пинками загоняю? – удивился царь. – И вообще, нечего привередничать. Стерпится – слюбится. Но ежели ты мне Янку Вдовицу обидеть посмеешь...

Перед лицом Виталика нарисовался державный кулак.

– Понял. Серьезные отношения с бабушкой только после свадьбы, – клятвенно заверил Виталик царя.

Очередной приступ слабости волной прокатился по его измученному телу, а потому он не заметил, как по лицу царя Гордона скользнула мимолетная улыбка. Юноша опять начал терять сознание. Рука царя легла на его лоб.

– Э, да у тебя, парень, жар. Так, быстро к лекарке его! – рявкнул Гордон. – И все отсюда вон. А ты куда? Нет, Прошка, ты останься. Дело одно есть. Придется тебе, писарь, малость пострадать за отечество...

Глава 3

Виталия мучили кошмары. В горячечном бреду он воевал с лешими, дрался с чертами. Черты почему-то были одеты в натовскую форму сил быстрого реагирования, словно сошли в его бред из американских боевиков. Только на головах у них почему-то сидели немецкие каски с рогами, на которые сверху еще нахлобучены тубетейки. Он с ними бился не на жизнь, а на смерть. Иногда враги временно отступали, и Виталий начинал слышать около себя нежный девичий голосок, напевно шепчущий непонятные слова. В этот напев порой вторгались еще два голоса поглубже, и Виталию очень хотелось попросить эти голоса заткнуться, так как от девичьего напева ему становилось легче, но из пересохшего горла слышалось лишь тихое нечленораздельное сипенье, и неизвестные продолжали назойливо бубнить, доводя обессиленного юношу до белого каления. Однако всему когда-нибудь приходит конец.

Окончательно он очнулся оттого, что чьи-то тонкие пальчики нежно поглаживали его грудь в районе сердца. Вот пальцы скользнули выше, зачем-то отодвинули в сторону цепочку, на которой висел крестик, затем опять опустились вниз. Виталий осторожно приоткрыл глаза. На этот раз он лежал в просторной горнице под одеялом на пышной пуховой перине и на резной деревянной кровати. Рядом с ним на стуле сидела девушка в голубом сарафане, отделанном спереди яркой золотой тесьмой. Сарафан плотно облегал ее стройную талию, расширяясь затем в просторную юбку, и так выгодно подчеркивал грудь юной красавицы, что у новоиспеченного царского сплетника тут же заиграли гормоны. Что интересно, девушка, ласкавшая его тело, на предмет своих ласк почему-то не смотрела. Задумчивый взор ее устремлялся куда-то вдаль, и было ощущение, что она то ли к чему-то прислушивается, то ли что-то усиленно пытается понять, но это «что-то» постоянно от нее ускользает.

Пальцы девушки ненароком коснулись соска на его груди, и Виталику стало настолько невмоготу, что ноги начали мерзнуть. Царский сплетник поспешил взбрыкнуть ногами, поправляя одеяло, запустил под него руку и понял, что на нем ничего нет. Даже трусов. Он лежал абсолютно голый!

– Оу-у-у...

Девушка очнулась от своих дум.

– Пришел в себя, касатик, – удовлетворенно сказала она, – давно пора. А что это ты такой красный? Неужто опять жар? – Ее прохладная рука легла на лоб юноши. – Голова не кружится?

– Еще как, – томно простонал Виталик. – В присутствии такой красавицы у любого нормального мужика голова закружится.

Девушка звонко рассмеялась:

– О-о-о... вижу, на поправку пошел. Я за тебя рада.

– А я-то как рад, что у Янки Вдовицы такая симпатичная внучка. – Виталий положил руку на колено девушки и, увидев, как округлились ее глаза, поправился: – Кажется, не угадал, не внучки, а дочки.

Девушка деликатно стряхнула с себя руку ловеласа.

– А что, царь-батюшка тебя не предупреждал?

– Насчет чего?

– Насчет того, чтобы ты кое-кого не обидел?

– Уговор только Янки Вдовицы касался. А насчет ее дочки уговора не было. И потом, чтобы я обидел девушку?!! Да ни в жисть! Я к девушкам завсегда со всей душой. Они всегда мной довольны были.

Виталий повернулся на бок, попытался сграбастать красавицу в охапку и тут же довольно чувствительно получил по рукам. Не ограничившись этим, девица добавила ему до кучи еще и по лбу.

– Э! Жестокое обращение с больными – это уже уголовная статья? – возмутился Виталик, откинувшись обратно на подушки. – Больного лелеять, холить надо, всячески ублажать, все его прихоти выполнять. Я ведь тебе не хухры-мухры. Я теперь человек государственный. Царский сплетник! Вот царю-батюшке пожелаю...

– И он тебе еще скипетром добавит. А скипетр у него тяжё-о-олый.

– Понял. Не с того боку начал.

– Думаешь, если я к тебе другим боком повернусь, что-то изменится? – Глаза девушки смеялись.

– А ты попробуй... Хотя нет. Думаю, результат тот же будет. А-а-а... вспомнил. Как же это я... Прежде чем тащить девушку в постель, надо было сначала представиться. Давай знакомиться. Виталий Алексеевич Войко.

– Янка Вдовица. В народе еще кличут Янка Лекарка.

– Вот это облом! – расстроился Виталий. – А я думал, насчет бабульки обещание даю. Надул меня Гордон. Стоп! Он меня надул, и я его надую.

– Слушай, – вздохнула Янка, – вот смотрю я на тебя и не пойму: ты маньяк или тебе просто делать нечего?

Виталий понял, что перегнул палку, и тут же пошел на попятный:

– Делать нечего!

– Я так и думала. Вася!

«Ну вот, – еще больше расстроился юноша. – Тут еще и Вася какой-то живет».

– Зачем нам Вася? – обиженно протянул он. – Нам Вася не нужен. Ты еще кузнеца сюда пригласи.

– Голова у тебя, похоже, чугунная, но кузнец ей вряд ли поможет, а вот Вася мозги быстро вправит. Вася, где ты там?

Скрипнула дверь, и в комнату вальяжной походкой вошел огромный черный кот.

– Это кто? – ахнул Виталий.

– Котик мой, Васенька.

– Ни хрена себе котик. У него в роду уссурийских тигров не было?

– Нет, – успокоила его Янка, – тигры, они полосатые, а мой Васенька черненький.

– А пантер? – на всякий случай уточнил царский сплетник.

– Не было у нас в роду ни пантер, ни тигров уссурийских, ни прочей нечисти, – хмуро буркнул кот. – Местные мы, баюнской породы. Хочешь, песенку спою?

Как ни странно, говорящему коту Виталий не удивился. После чертовой мельницы и царя Гордона он морально был готов уже ко всему.

– Рано, Васенька, рано, – тормознула кота Янка, – пока не усыпляй. Он и так трое суток в беспамятстве лежал. А мне бы очень хотелось, чтоб наш царский сплетник на один вопрос мне ответил.

– Какой? – настороженно спросил Виталик.

– Откуда у тебя на груди такая любопытная картинка?

Девушка протянула руку и вновь коснулась груди корреспондента. Юноша скосил глаза и ахнул, увидев, что ее пальцы поглаживают лепестки цветка, искусно нарисованного на его коричневой от загара коже.

– Провалиться! Янка, признавайся, ты меня использовала в качестве холста, пока я тут в отрубе лежал? – Виталий, посплюнявив пальцы, попытался стереть с груди рисунок, но сразу понял, что это бесполезно. На груди его красовалась татуировка. Тут перед его мысленным взором мелькнул цветок в руке девушки, которую он пытался спасти на чертовой мельнице. –

Парашка! Вот зараза! Ну удружила! Нет, ну кто ее просил мое тело татуировками поганить? – разобиделся он.

– Какая Парашка? – насторожилась Янка.

– Правила хорошего тона запрещают мне обсуждать одну девушку в присутствии другой, – сердито пробурчал Виталий. – Тем более в таких выражениях, какие у меня сейчас на языке вертятся.

– А ты про правила хорошего тона временно забудь. Мне просто любопытно. Ты же знаешь, мы, девушки, любим посплетничать.

– Я не девушка.

– Зато я девушка. Так что там за Парашка?

– В упор не знаю. Дурацкая история. Я царю ее уже рассказывал. Понимаешь, меня тут недавно вроде как околдовали или типа того... Ну короче, занесло меня на чертову мельницу. Вот там я на нее и наткнулся...

Чесать языком корреспондент умел. Баталию на чертовой мельнице он расписывал так красочно, что Янка только успевала восторженно ахать. При этом юноша особо подчеркивал, что если б не эта странная девица, впоследствии назвавшаяся Парашкой, то слинял бы оттуда тихо-мирно, а тут вот на тебе! Пришлось ввязываться в драку с какими-то ненормальными рогатыми чурками в тюбетейках. Когда его рассказ дошел до описания Парашки, он вдруг сообразил, что в чертах ее лица было что-то нерусское. Да и одета она была на индийский манер. Эта розовая тряпка на ней выглядела как натуральное сари!

– А все-таки здорово меня приголубили тогда табуреткой, – вздохнул он, закончив повествование. – Это ж надо было так затупить, чтоб не понять, что это не наша Парашка. Это индусская Парашка с цветочком. Точно, лотос у нее был в руках, зуб даю. Опять же пятнышко на лбу. Это ж как печать в паспорте! Ну я идиот!

– Это точно, – еле слышно пробормотала Янка. – Так вот, значит, как ты оттуда выбрался... Ладно. Ты тут лежи пока, отдыхай, а мне пора травки лечебные собирать. А ты, Васенька, за постояльцем нашим пригляди. Развлеки его чем-нибудь, чтоб не скучал. А то уж больно он шустрый. Пока в беспамятстве лежал, только ручками-ножками дрыгал, а сейчас, смотрю, и другие части тела заработали.

Виталий при этих словах вновь залился краской.

– Иди, хозяйка, иди, – плотоядно облизнулся кот. – Я его развлеку, будь спокойна.

– Э, киса, не балуй! – заволновался Виталик. – Янка, не оставляй меня с этим зверем наедине!

– Что, испугался, герой? – рассмеялась Янка, поднимаясь со стула.

– Конечно! Я же по его усатой наглой морде вижу, что он хочет со мной в кошки-мышки поиграть.

– Физические упражнения пойдут тебе на пользу, – хихикнула девица, исчезая за дверью.

– Ну что, поиграем? – Кот сел на хвост около кровати, и голова его оказалась прямо напротив лица юноши.

– Э-э-э... – Глаза Виталия лихорадочно искали около себя что-нибудь потяжелее, но под рукой, кроме одеяла и подушки, ничего весомого не обнаруживалось.

– Что – э? Хозяйка приказала тебя развлечь. Так как развлекаться будем?

– Ну я даже не знаю, – робко ответил юноша. – А как ты обычно развлекаешься?

– Я обычно мышковать люблю.

– А я нет! Предпочитаю интеллектуальные игры.

– Жаль. Ладно, давай в интеллектуальные.

Кот поднялся, встал на задние лапы, пододвинул к кровати стоявший у стены столик, сел на стул, на котором только что сидела его хозяйка, и уставился на юношу.

– Во что играем? В шахматы, лото, нарды?

– Можно и то и другое. Но я вообще-то больше картишки предпочитаю, – оживился царский сплетник.

Васька извлек из ящика стола колоду замасленных карт и начал тасовать их одной лапой. Карты мелькали с неуловимой для глаз скоростью меж его когтей.

– Можно и в картишки. Во что играем? В буру, очко аль дурачка?

Так как дам в помещении больше не наблюдалось, Виталий рискнул спустить ноги на пол. Голова сразу закружилась, опять накатила слабость, но юноша быстро справился с недомоганием, что говорило о том, что он действительно пошел на поправку.

– В очко. Только, чур, я первый банку.

– Банкуй, – выложил перед ним колоду кот. – Но учти, я на щелбаны не играю.

– Я в принципе тоже, но в данный момент слегка стеснен в средствах. Нет, это слишком мягко сказано. В данный момент я гол как сокол. – Виталий демонстративно почесал голую грудь.

– Ты мне ваньку-то не валяй! – прикрикнул на него кот. – А жалованье царское?

– Так когда оно еще будет? – пожал плечами юноша, взял со стола колоду карт и начал ее тасовать.

Это у него получилось гораздо лучше, чем у Васьки. Как-то один катала обучил его азам этого искусства в благодарность за то, что Виталик помог ему выпутаться из неприятной истории, и теперь это искусство очень ему пригодилось. Юноша шустро тасовал карты одной рукой, вроде бы не глядя на них, и при этом демонстративно выкидывал на стол очковые пары рубашками вниз. Туз, десятка, туз, десятка...

– Ага... – Кот внимательно посмотрел на татуировку Виталика. – Давно в бегах?

– В каких бегах? – опешил юноша.

– Ты это хозяйке про индусских Парашек заливать можешь, она по младости лет, может, и поверит, а меня не проведешь. Я знаю, какую парашу ты имел в виду. Судя по татуировочке, не простой сиделец. Из авторитетов. Во франкских землях только маститых уголовников таким клеймом метят. А наплел-то, наплел! Лотос, Индия... Лилия это, а не лотос! Что, откинулся с зоны и в Русь сиволапую приехал деньжат по-легкому срубить? Давай уж, колись. Я пойму. Вашего брата здесь теперь пруд пруди. Царь-батюшка всех привечает. Наслушался, на нашу голову, послов иноземных про державы европейские, вот оттуда дрянь всякая с купцами сюда и понаехала.

– Да ты что, котяра, – возмутился Виталий, – припух?

– Это я припух? – зашипел кот. – Это ваша братия иноземная припухла. На каждом шагу, куда ни плюнь, либо в китайца, либо в свая, либо в голландца попадешь. Немчура поганая одолела, аглицкие купцы цены несусветные ломают. Простому русскому татю... тьфу! ...люду податься некуда!

– Да успокойся ты! Русский я!

– Рассказывай, – усмехнулся кот в усы. – Ладно, проехали. Но ты смотри, на нашу хозяйку губу не раскатывай. – Васька своим длинным острым коготком поковырялся в зубах. – Она девчонка в авторитете. Ее вся великореченская братва уважает. Она ведь всех лечит. После делов всяких к ней с поклоном все идут.

Виталий не любил наездов и пресекал их всегда на корню.

– Ты меня на понт не бери, хвостатый! – распустил он пальцы веером. – Я таких, как ты, в свое время как тузик грелку рвал. Ты меня понял?

Кот заржал, не по-кошачьи повизгивая.

– Повелся, как пацан! А еще говорил: я не из этих, я человек государственный! Быстренько я тебя расколол. Эх, жаль, Жучары нет, а то бы мы сейчас сообразили на троих.

– Что за жучара?

– Собачка хозяйская. Личный телохранитель, так сказать.

– Да я никак на натуральную малину попал. Вот тебе и Янка Вдовица. Одинокая старушка! Хотя нет, – почесал затылок Виталий, – Гордон про старушку не говорил. Это я просто на Вдовицу повелся. Слышь, Васька, а твоя хозяйка случайно не ведьма? Сверху девица-красавица, а внутри старая карга. Был, знаешь ли, в одном... скажем так, мире соответствующий прецедент с одной панночкой...

– Я тебе дам «старая карга»! – зло прошипел Васька. – Восемнадцать годков ей недавно стукнуло.

– Фу-у-у... – с облегчением выдохнул юноша. – Если б ты знал, котяра, как меня сейчас утешил! Кстати, а Великореченск – это что?

– То, где ты сейчас находишься. Столица Руси-матушки, – хмыкнул кот. – Ты что, не знал или опять дурака валяешь?

Виталий неопределенно пожал плечами и поспешил задать встречный вопрос:

– Ну мы играть-то будем?

– Будем... – Кот покосился на колоду карт и извлек из ящика стола шахматную доску.

– Правильно, – одобрил Виталий, – здесь хотя бы не смухлоеешь.

Как же, размечтался. Васька уже на восьмом ходу, чуя, что проигрывает, начал мухлевать по-черному. С доски непостижимым образом стали исчезать фигуры противника.

– Здесь только что стоял мой конь! – возмутился юноша.

– Чем докажешь?

– Ах так...

Разозлившись, Виталий решил бить наглого котяру его же оружием и на пятнадцатом ходу умудрился незаметно спереть его ферзя.

– Здесь только что стоял мой ферзь! – пришла очередь возмущаться Ваське.

– Чем докажешь? – радостно спросил царский сплетник.

Партия закончилась вничью, после того как они одновременно свистнули друг у друга королей.

– Дурацкая игра, – вздохнул кот.

– Дурацкая, – кивнул Виталий. – Слушай, а где моя одежда?

– Тебе зачем?

– Ничего себе вопросик. Удобства посетить надо. Я что, до нужника нагишом побегу?

– А чё? Там все равно портки сымать надо.

– А по лбу?

– А по глазкам коготками?

Одежду ему кот все-таки принес. Она была выстирана, аккуратно выглажена и смотрелась как новенькая, словно и не побывала в куче баталий, через которые прошел юноша.

– Удобства у вас, надо полагать, через дорогу? – спросил Виталий.

– Не, во дворе. Пойдем, покажу.

Юноша в сопровождении кота спустился на первый этаж, прошел по коридору и оказался в просторном помещении, с тремя дверьми. Одна дверь вела непосредственно в дом, вторая выходила на улицу, а третья во двор.

– Ничего себе сени! – почесал затылок Виталий. – Да тут в футбол играть можно. Надо же какое нерациональное использование площади.

– Очень даже рациональное, – усмехнулся Васька. – Мы здесь с Жучкой играемся. Ну чего в дверях застыл? Беги, коль приспичило. Там за сараем найдешь свои удобства.

– Деревянный домик с дырочкой в центре?

– Ага. Типа того. Рукомойник тоже во дворе. Двигай.

Посещение удобств привело Виталия в благодушное настроение. Голова уже не кружилась, слабость покинула тело, что говорило о том, что юноша быстро набирает форму. Виталий вдохнул полной грудью.

– Воздух-то какой чистый! Прямо как в деревне.

В дом идти не хотелось. Царский сплетник сел на лавочку около сеней. Хорошо. Юноша прислушался к гавканью собак и приглушенному гомону голосов за высоким дощатым забором. Где-то истошно заорал голосистый петух. Великореченск жил своей спокойной, размеренной жизнью. Хотя и столица, как говорит Васька, но столичной суеты гигантского мегаполиса здесь не ощущалось. Это спокойствие внезапно нарушил подозрительный шум со стороны улицы. И шум этот быстро приближался к дому Янки Вдовицы. Виталий слез с лавки, подошел к забору, подпрыгнул, схватился за его край, подтянулся на руках и увидел Янку с плетеной корзинкой в руках. Девушка чуть не бегом спешила к дому. Рядом с ней прыгала маленькая серая собачка. Периодически она останавливалась, чтобы обгавкать пятерых подвыпивших парней в иноземных кафтанах, преследовавших Вдовицу.

– Эй, мэдхен, пастой!

– Фрейлейн, ком цу мир!

– Мы будэм тринкен! Будэм гулят! Вир воллен дих либен! Будэм любит!

– Вир зинд немецкий матрос! Вир либен дих!

Видя, что девушку уже нагоняют, собачка бросилась в атаку и получила такой смачный пинок от одного из распаленных голландцев, что с визгом перелетела через забор.

– Тоже мне телохранитель, – сердито пробурчал Виталий.

Царский сплетник отпустил руки и мягко спрыгнул на землю. Кажется, опять придется драться. Да что за напасть? В этом странном мире ему постоянно приходится рассчитывать только на свои кулаки! Каблучки девушки тем временем уже стучали в сенях. Она спешила найти укрытие в доме, а пьяные немцы продолжали ломиться следом. Виталий бросился на выручку, но первой в сени через распахнутую дверь влетела все-таки побитая собачка. Через эту же дверь юноша увидел сарафан девушки, мелькнувший в сенях. Она скользнула внутрь дома и торопливо захлопнула за собой дверь, накинув на нее засов изнутри.

– Ну гады, держитесь! – Виталий рванул на разборку и в полном обалдении замер на пороге.

Вход в сени ему перекрыл огромный серый пес. Даже не пес, а скорее мощный, матерый волк. Вломившиеся в сени немцы тоже дали по тормозам.

Волк поднялся на задние лапы, став на голову выше Виталия, облокотился о дверной косяк и вкрадчиво спросил:

– Ну что, гости иноземные, любви захотелось? Сейчас мы вас будем любить. Вася, будь ласков, прикрой дверку.

Васька возник за спинами немцев, аккуратно закрыл на щеколду ведущую на улицу дверь, выгнул спину дугой и зашипел, плотоядно оскалив зубы. Шерсть на загривке гигантского котяры встала дыбом.

– Ну и какая сволочь мне только что пинка дала? – сладко потянулся, разминая члены, волк. – Ей принадлежит право первой брачной ночи. Ну и кого первого я буду любить?

– Ни хрена себе, – пробормотал потрясенный юноша.

Волк неодобрительно покосился на него:

– Ты что, тоже любви хочешь?

– Твоей – нет, – поспешил откреститься Виталик.

– Тогда закрой дверь с другой стороны.

Такой расклад парня устраивал, он торопливо захлопнул дверь и услышал, что изнутри ее аккуратно закрыли на щеколду.

– Ну что, Васенька, начали? – донесся до царского сплетника радостный волчий вой, сени загрохотали, и царский сплетник понял, в какие игры здесь играют Васька с Жучкой...

Через несколько минут грохот в сенях затих, и, судя по звукам, распахнулась дверь на улицу. В запертые сени юноша ломиться не стал, но представление очень хотелось досмотреть до конца, а потому он кинулся обратно к забору и имел удовольствие лицезреть измороженные тела немцев в разодранных кафтанах, вылетающие один за другим на улицу. Они с размаху шлепались на пыльную дорогу, вскакивали и как ошпаренные уносились прочь.

– Счастливого пути! – послышался сверху радостный, смеющийся голосок Янки. – Заходите еще. У нас добрым гостям всегда рады! – Девушка, высунувшись из окна второго этажа, махала вслед улепетывающим немцам платочком.

– В веселый терем меня на постой определили, – спрыгивая на землю, пробормотал корреспондент и двинулся обратно к сеням. – Эй, хозяйка! А постояльцев у вас здесь кормят? Мне царь-батюшка намекал, что буду жить по варианту «все включено»!

Сенная дверь открылась, и на пороге появилась маленькая серая собачка.

– Гав! – приветливо тявкнула она, приглашая царского сплетника в дом.

– Мяу. – Из сеней вышла маленькая черная киска, потерлась об ногу Виталия, запрыгнула на лавку и пристроилась на ней поудобнее, явно намереваясь после баталии отдохнуть и погреть свое пузо на солнышке.

– Ну вы и артисты, – хмыкнул царский сплетник.

Васька поднял голову и уставился на юношу колдовскими зелеными глазами...

Глава 4

Куда только не заносила юношу журналистская судьба, а вот на официальном приеме в палатах царских белокаменных ему бывать еще не приходилось. Сотник Федот лично доставил бывшего узника в просторный зал и указал на специально отведенное для Виталия место неподалеку от двух стоящих вплотную друг к другу резных тронов, предназначенных, как понял юноша, для царя-батюшки и его прекрасной половины. Около дверей в почетном карауле застыли усатые стрельцы, крепко сжимая в руках алебарды. Вдоль стен тронного зала располагались широкие лавки. Мимо них в ожидании царя расхаживали бояре. Они шушукались меж собой, сбиваясь в кучи, настороженно поглядывая при этом на молодого человека в явно иноземном костюме и, наверное, гадая: за каким чертом царь-батюшка пригласил на заседание боярской думы басурманина.

Виталий наострил уши и, так как слух у него был прекрасный, начал различать, о чем шушукуются бояре. Не все обсуждали его скромную персону. Кто-то травил банальные анекдоты, кто-то жаловался на боль в пояснице, ругая почему зря иноземных лекарей, ни хрена не понимающих в русских болезнях, а кое-кто втихаря уже прикладывался к фляжке с медовухой, явно поправляя подпорченное с вечера здоровье. Беседа группы бояр в самом конце тронного зала заслуживала отдельного внимания.

– Кто таков? Ты знаешь?

– Нет. Купец, видать, иноземный.

– Сейчас придет державный, сокол наш ясный... чтоб ему! Сам все объяснит.

– Докатилась Расея! Басурмане поганые уже в боярскую думу без зазрения совести лезут...

– А вы слышали? Прошка-писец пропал. Пошел с царем-батюшкой шпиёна иноземного допрашивать и сгинул.

– Ну пропал и пропал. Нам-то что? Ты не вздумай державного об ём спрашивать. У царя-батюшки, я слышал, с утра настроение и так не ахти. Достанется нам на орехи.

– Сейчас опять чаво-нибудь требовать будет.

– Может, случилось чего?

– Да кто ж его знает?

– А я думаю, просто вожжа под мантию попала. Чай, не впервой. Не с той ноги встал. Не в духе, и все!

– Как бы как в прошлый раз не получилось. – Тучный боярин потрогал шатающийся зуб.

– Да, рассерчал он надысь крепко. Три посоха об нас обломал, а потом скипетром охаживать начал. Потом его пришлось кузнецам в перековку отдавать. Дугой согнулся.

– А с чего все тогда началось? Я ить первый от него посохом словил, в дальнейших дебатах не участвовал. Ничего не помню. Так чего было-то?

– Неужто забыл, Буйский? Мы ж ему, родимому, в пятистах золотых на какую-то пищаль иноземную отказали.

– Что за пищаль?

– Аглицкая, мудреная. Винто... винторе... короче, бают, что в ей ядро с винтом. Мы ему: царь-батюшка, на фи́га нам ядро с винтом за такую цену? Ну тут он и осерчал.

– Да-а-а... грозен наш царь. А ну как и сейчас за старое возьмется?

– Да-а-а... в сердцах запросто зашибить может. Пора посохи прятать.

– Пора.

– Пора.

Шушукающаяся группа бояр взялась заталкивать под лавки свои посохи. Глядя на них, начали прятать посохи и остальные члены боярской думы. Тут с грохотом распахнулись двери, открытые явно ударом ноги. Стрельцы, уже привыкшие к эффектному появлению царя-батюшки, своими телами смягчили удар створок дверей о стену и даже умудрились при этом остаться в живых. В тронный зал вошел мрачный как туча царь Гордон. Рядом с ним семенила царица, поглаживая державного по руке, явно пытаясь утихомирить чем-то жутко разгневанного мужа.

– Владыка всея Руси царь Гордон и его супруга царица Василиса Прекрасная! – запоздало крикнул глашатай.

Бояре торопливо распределились вдоль лавок и начали земно кланяться. Поднялся со своего стула и Виталий. Он отвесил царской чете приветственный полупоклон, решив, что этого с них достаточно. Ползать на коленях и биться лбом об пол царский сплетник не собирался.

Царь, в лучших традициях придворного этикета, помог царице усестись на трон, плюхнулся с ней рядом на свое кресло, обвел тяжелым взглядом затрепетавшую боярскую думу и сердитым жестом скипетра предложил им сесть. Лавки жалобно заскрипели под тяжестью боярских тел. В тронном зале воцарилась напряженная тишина.

– Ну бояре мои верные, – нарушил тишину Гордон, – что в царстве-государстве моем хорошего творится, что плохого? Буйский, ты у нас глава боярской думы. С тебя и начнем. Докладывай.

С лавки поднялся тучный господин в высокой боярской шапке.

– Слава богу, – истово перекрестился он, – все хорошо в твоём царстве-государстве, царь-батюшка. Мудро ты правишь нами, – Буйский невольно потрогал свой шатающийся зуб, – справедливо, по совести.

– Садись. А ты, Кобылин, что скажешь?

– Я полностью согласен с Буйским, – поднялся с лавки верзила с лошадиным лицом. – Мудро правишь, царь-батюшка. Очень мудро!

– Значит, довольны своим царем? – зловеще спросил Гордон.

– Очень довольны, благодетель ты наш! – загомонили бояре.

– Уж так довольны!

– Дальше некуда!

– А вот я вами недоволен. Боярин Засечин!

С лавки торопливо поднялся вызванный на ковер боярин.

– Скажи-ка мне, воевода, почто твои стрельцы иноземного купца обидели? До полу-смерти избили, увечья нанесли, товар его подпортили? Неделю потом лучшие лекари иноземные того купца отхаживали! А знаете, сколько они за лечение дерут? Они ж мне счет такой выставили, что казна затрещала! Ну что скажешь? Не слышу ответа!

– Дык... мы это... – забормотал боярин.

– А он ведь не с простым товаром прибыл. Духами иноземными торговал. Вот ты, рожа твоя бородатая, знаешь, сколь ныне франкские духи стоят?

– Дык... я ж больше по разбойным делам...

– А ты, Буйский, знаешь? – повернулся к главе боярской думы царь.

– Приходилось покупать для своей младшенькой, – тяжело вздохнул Буйский. – Ох, цены басурмане ломают! Малюсенький флакончик... Во-о-от такой малюсенький флакончик, – показал он пальцами, – там даже пить нечего. Гадость несусветная, сам пробовал. Десять золотых! Грабеж среди бела дня!

Царь отмахнулся от Буйского и опять повернулся к боярину Засечину:

– Вот видишь, воевода, какой ценный товар твои стрельцы загубили. А у него этих флакончиков штук сто было! Вы представляете, на какие деньги государство подставили?

А ведь там, у купца, еще всякие иноземные хитрости технические были. Все вдребезги! А это вообще сумасшедшие деньги.

«Во дает! – восхитился Виталик. – Врет и не краснеет!» Он точно помнил, что в его сумке флаконов было не больше десяти, остальное пробники и прочая дребедень. И аппаратура его, кажется, осталась цела, не пострадала.

А царь-батюшка тем временем продолжал разоряться, нагнетая обстановку:

– И ведь что удумали, злыдни! На купца иноземного все свалить решили. Дескать, он сам первый на них напал. А мне теперь от главы купеческой гильдии проходу нет! Вот он где у меня сидит! – похлопал себя по могучей шее Гордон. – Достал посол немецкий – хоть в петлю лезь! Вы что ж меня перед державами иноземными позорите? – обвел грозным взглядом боярскую думу царь.

– Да гнать этих иноземцев с Руси надобно! – завопил Буйский. – В три шеи гнать, царь-батюшка!

Боярская дума одобрительно загудела.

– Я вам дам «гнать»! Вы что, до скончания веков в грязище да дерьмище жить собираетесь? Вам политика царя-батюшки не нравится? На кол захотели? А ну кто несогласный с политикой царя-батюшки, встать!

Воевода и Буйский, единственные из бояр, кто были в данный момент на ногах, торопливо плюхнулись обратно на лавки. На всякий случай присели на корточки и стрельцы. В тронном зале наступила напряженная тишина.

– Ну и что делать будем, господа бояре? – грозно спросил царь.

– Боярина Засечина на плаху! – тут же внес предложение какой-то боярин.

– Правильно! Это его стрельцы непотребство учинили!

– Верно! Воеводу на плаху и Буйского туда же, а меня на его место!

– А почему тебя? Наш род Кобылиных древнее!

– А наш Жеребцовых сильнее!

Бояре сорвались со своих мест и вцепились друг другу в бороды, деля шкуру неубитого медведя. Виталий покосился на царя и увидел, что он устроился на троне поудобнее и с удовольствием начал наблюдать за баталией, где борьба за вакантное место разгоралась нешуточная. В ход пошли кулаки. Каждый давно уже спал и видел себя на месте главы боярской думы. Василиса Прекрасная осторожно тронула супруга за руку и укоризненно покачала головой, намекая, что пора этот бардак прекращать. Царь с сожалением посмотрел, как огромная куча-мала катается по тронному залу.

– Цыц! – рявкнул он. – Как посмели при особах царских такое непотребство учинить? А ну по местам, не то прикажу всех на кол посадить, а земли с боярскими подворьями в казну отписать!

Куча-мала тут же распалась. Потрепанные, расцарапанные бояре спешили рассестись по своим местам.

– Значит, так, – властно сказал царь, – за обиды, нанесенные купцу иноземному, кстати, вот он, здесь сидит, – кивнул Гордон на Виталия, – и его загубленный товар постановляю выплатить ему отступные! Иначе всех либо к Малюте, либо сразу на кол али на плаху!

Буйский с боярином Засечиным тут же сорвались с лавки, сняли свои боярские шапки и пошли вдоль рядов собирать мзду иноземному купцу. Бояре, видя, что царь не шутит, торопливо растрясали кошель, снимали с пальцев перстни с крупными драгоценными камнями и кидали их в общую кучу. Кто-то даже богатое жемчужное ожерелье, заготовленное явно для зазнобы, не пожалел – жизнь-то, она дороже. Скоро шапки были заполнены доверху, и бояре с поклонами потащили их к трону.

– Прими, царь-батюшка, от бояр твоих верных! – дружно завопили они, падая перед Гордоном на колени.

– Вы не мне, вы купцу иноземному кланяйтесь, – кивнул на Виталия Гордон. – Может, простит.

Бояре, не вставая с колен, поползли к «иноземному купцу».

– Прости, нехристь пога... э-э-э... купец иноземный! – Глава боярской думы плюхнул на колени юноши тяжеленную шапку. Виталий поспешил подхватить ее, не давая упасть на пол.

– Ишь как вцепился, – зашелестела боярская дума.

– Иноземцы, они мзду любят...

– Прости нас, убогих! Не корысти ради, а токмо защиты отечества для, мои стрельцы перестарались, за татя тебя приняли, ты уж не обессудь! – сунул в руки Виталия вторую шапку воевода.

– Ну что, купец, прощаешь моих слуг нерадивых? – спросил царь.

Юноша посмотрел на груды золота, пересыпанную драгоценными камнями, переливающимися всеми цветами радуги с перстней, поправил на коленях шапки, которые словно две огромные дыни, с трудом удерживал в руках, ухмыльнулся:

– А чего ж не простить? Да за такую мзду я готов еще паре десятков стрельцов морду на...

– Радуйтесь, бояре! – поспешил перебить увлекшегося «купца» царь. – Гость иноземный вас прощает!

– Спасибо, отец родной!

Буйский с воеводой встали с колен, скрежеща зубами, отвесили низкий поклон Виталику и поспешили занять свои места на лавках.

– Ну этот вопрос решили, – удовлетворенно кивнул царь, и лицо его опять помрачнело. – Переходим к другому вопросу. Готовьтесь растрясти мощну, бояре.

– На что теперь, царь-батюшка? – затрепетала царская дума.

– На войну. Вашего царя, сокола ясного, сегодня страшно оскорбили!

– Кто посмел? – вскинулся воевода.

– Посол аглицкий. Мне, Государю Всея Руси, можно сказать, в душу плюнул! Доложили мне, что он хвастался, будто бы в их землях народ культурный живет, по утрам за кофием газеты читает и нам, сиволапым, до них далеко. И смеялся при этом, гад! Утверждал, что у нас на Руси даже бояре читать не умеют. Это у нас-то! Где еще мой батюшка, царствие ему небесное, объявил всеобщую грамоту! Всех с малолетства в церковно-приходскую школу определить приказал, чтоб писать и считать научились. Газеты у нас нет, видите ли! Все, бояре! Война!

Бояре заерзали на своих лавках. Многие из них действительно не умели ни читать, ни писать.

– Итак, объявляю Англии войну. Завтра же снаряжаем ладьи, по Великой реке сплавляемся до моря и идем захватывать Голландию.

– А при чем здесь Голландия? – опешил боярин Кондыбаев, войсковой воевода царя-батюшки.

– Как при чем? Это же лучшие корабельщики. Завоеем их, они нам построят хороший флот, и мы поплывем громить Британию. Или ты думаешь великую морскую державу на наших ладьях завоевать? Кажется, пора подумать о смене воеводы.

– Прости, царь-батюшка! Я больше посуху, на лихом коне воевать привык!

– Оно и видно.

– А может, ну ее, эту Голландию? – робко спросил один из бояр. – Может, корабли у них проще купить? Так и войско царское целее будет, и силы зазря не растратим.

– Можно, – подозрительно легко согласился царь, – но это стоит таких денег, что не только вы, вся Русь по миру пойдет. Проще Голландию завоевать. Казначей и писаря мне сюда, быстро!

Похоже, и тот и другой давно уже ждали этой команды за дверьми, так как сразу же появились в дверях тронного зала. Казначей, худошавая личность с характерными пейсами на висках, снял черную шляпу, прижал ее к груди и одарил царскую чету лучезарной улыбкой.

– Ви меня вызывали?

– Вызывал, Абрам Соломонович, вызывал. Заходи. Есть работенка по твоей части. А ты садись на свое место, – приказал писарю Гордон, кивая на столик, стоявший в углу тронного зала, – будешь писать указ.

Абрам Соломонович просеменил к трону и встал по правую руку от царя. Писарь поспешил занять место за столиком, разложил письменные принадлежности и приготовился строчить царский указ.

– С каждого боярского удела, – начал диктовать Гордон, – предоставить в распоряжение Стрелецкого приказа по тысяче холопов мужеского полу в возрасте от восемнадцати до сорока лет.

Бояре дружно застонали.

– С каждого боярского роду взять по пять тысяч золотых в пользу казны на закуп вооружения и снаряжения формирующегося войска.

Бояре схватились за головы. Казначей радостно потер руки, почти беззвучно шевеля губами. Судя по всему, он уже прикидывал, сколько с этого поимеет, если пустит эти деньги в оборот. «Да-а-а... – мысленно хмыкнул Виталий, – вот уж действительно кому война, а кому мать родна».

– А также, – продолжил царь, – обеспечить войско за счет боярских уделов продовольствием и фуражом. Написал?

– Да, – кивнул писарь, посыпая чернила песком, – изволите подписать?

– Ваше царское величество, – встрепенулся казначей, – мне кажется, по пять тысяч на войско с боярского рода мало. Ви даже представить себе не можете, какие страшные нынче цены. Думаю, сумму надо как минимум удвоить. Десять тысяч золотых с подворья...

Тут уж боярская дума буквально взвыла. Только апеллировала она теперь не к царю-батюшке, а к его прекрасной половине:

– Царица-матушка! Не погуби!

Бояре дружно рухнули на колени и поползли к трону. Первым добрался до него Буйский, глава боярской думы. Он вцепился в сафьяновый сапожок Василисы Прекрасной и в отчаянии начал его лобызать.

– Защити, царица-матушка! И войско на чужбине сгинет, и царь-батюшка, не приведи господи, оттуда живым не вернется, да и мы по миру пойдем с енттой войной!

– А и впрямь, сокол мой ясный, – нежно погладила супруга по руке Василиса Прекрасная, – неужто без войны никак не обойтись?

– Нет!

– А я вот думаю, можно, – мягко возразила царица. – Есть другой путь.

– Какой? – дружно выдохнула боярская дума.

– А что, если иначе наказать этих зазнавшихся бриттов. Почему бы нам в пику им не создать свою газету? Лучше аглицкой, а, бояре? И царь-батюшка возрадуется, и бриттам нос утрет. Дело, кстати, я слышала, очень полезное для дел государевых. Эта затея, правда, тоже денег будет стоить...

– Царица-матушка, сколько?!!

– Я думаю, по тысяче с каждого боярского рода будет больше чем достаточно.

- Благотельница!!! – возликовали бояре.
- Для начала, – подняла руку Василиса Прекрасная, – чтоб дело на ноги поставить, а потом по сто золотых каждый месяц на содержание штата.
- Чего-о-о?
- Сотрудников газеты, – мило улыбнувшись, пояснила царица.
- Согласны! Вот спасибо, царица-матушка! А ты, царь-батюшка, согласен?
- Ну-у-у... – задумчиво пожевал губами царь. – Ладно, так и быть. Согласен. Но чтоб газета мне лучше аглицкой была! Не то со всех шкуру спущу!
- Будет! Ой... – опомнились бояре. – Царь-батюшка, да мы ж газеты отродясь в глаза не видавали. Что ж делать-то?
- А это теперь ваши проблемы, – развел руками царь, кинув выразительный взгляд на Виталия. – Либо газету делайте, либо затягивайте пояса и раскошеливайтесь на войну.
- Царь-батюшка, – подал голос юноша, сообразив, что пришла его пора вступать в игру. – Раз уж ко мне отнеслись здесь по-хорошему, могу с газетой подсобить.
- А ты что, соображаешь в этом деле? – сделал удивленные глаза Гордон.
- Немножко владею этим ремеслом. Сам в этот бизнес деньги вкладывал. Видел, как ее изготавливают. Даже сам порой статейки для аглицкой газеты пописывал.
- Спаситель ты наш! – завопили бояре.
- Вопили, правда, не все. Боярин Буйский переводил глаза с царя на купца иноземного и обратно, что-то начиная понимать. Кажется, до него дошло, что дума попала на элементарный развод.
- Ну коль хочешь помочь, возражать не буду, – небрежно махнул рукой царь. – Писарь, строчи новый указ. Назначить... как тебя там по батюшке?
- Войко Виталий Алексеевич.
- Войко Виталия Алексеевича царским сплетником при особе Государя Всея Руси царя Гордона. Назначить ему содержание в пятьдесят золотых...
- Еще пятьдесят золотых? – ахнул Буйский. – Да мы и так теперь по сто золотых ежемесячно с каждого рода...
- Это на газету, – строго сказал царь, – а жить царский сплетник на что-то должен? Или ты ему духом святым питаться прикажешь? Но уточнение верное. Ежемесячно с каждого боярского рода взимать по сто пятьдесят золотых.
- Да ты что, царь-батюшка, поймей совесть, даже мы, бояре, на себя столько не тратим!
- Чего сказал? – насупился Гордон.
- Молчу, молчу... но давай, царь-батюшка, на двадцати пяти сойдемся.
- Ладно, так и быть, уговорили. Пусть будет сто двадцать пять.
- А за счет царской казны купца иноземного содержать никак нельзя? – тут же начал наглеть боярин.
- Да вы что?! – в неpritворном ужасе завопил казначей. – На святое покушаетесь? А вдруг война, а казна пуста? Не дам! Ни копейки, ни полушки оттуда не получите!
- Все всё поняли? – строго спросил царь.
- Все, – обреченно выдохнула боярская дума.
- А не спешим ли мы, царь-батюшка? – выразил вдруг сомнение один из бояр. – А вдруг он денежки наши кровные возьмет и укатит в свою заграницу? Опять же что это за газета такая, нам неведомо, и как пишет для нее этот царский сплетник тоже. Может, через пень-колоду, так что слова не разберешь.
- Это кто там? Ты, что ли, Жадин?
- Я, царь-батюшка, я.
- Не доверяешь, значит, хитрован? – прищурился царь.

– Так кто ж их, иноземцев, знает! – сокрушенно вздохнул боярин Жадин. – Хотелось бы проверочку ему для начала устроить.

– Здорово мыслишь, – улынулась Василиса Прекрасная. – И как проверять думаешь?

– А помните, матушка, как государь наш в прошлый раз сердчать изволил, когда всю реку Великую, кормилицу нашу, сетями перегородили? Сколько рыбы зазря погубили! Вот ежели царский сплетник сумеет прописать об ентом в своей газете так, чтоб тати рыболовные на всю жизнь закаялись близко к реке подходить да рыбную молодь по нересту травить, тогда, значит, честь и хвала ему. Нужного человека к делу приставили. Не зазря бумагу марают, и денежек на его содержание не так обидно отстегивать будет. Две недельки сроку ему дадим на дело ето, писцов выделим. Пусть мастерство свое покажет! А денег, покудова браконьеров не разгонит, не давать!

У царя глаза стали по полтиннику. Лично он представить себе не мог, что какая-то газетная статейка сможет отвадить рыбных татей от их исконного промысла – браконьерства. Он в полной растерянности посмотрел на Виталия.

– Нет, ну лихие у тебя бояре, царь-батюшка, – возмутился юноша. – Для того чтобы в газете что-то прописать, эту самую газету еще надо создать! А как я ее создам, если мне на нее денежек не дадут?

– А ты что, с помощью газеты браконьеров отвадить сможешь? – недоверчиво спросил царь.

– Запросто! – уверенно сказал Виталий, хотя в упор не знал, как будет это делать. – Не сразу, конечно. Подготовительную работу придется провести, опять же газету на ноги поставить.

– Так, деньги выделить в полном объеме! – резко сказал царь. – Чтоб к завтрашнему утру с каждого боярского рода по тысяче золотых было доставлено в казну. А царский сплетник никуда не денется. Куда он от нас убежит? Очень мне хочется посмотреть, как его газета браконьеров разгонит. Ух я тогда ентому аглицкому послу по его харе напoмаженной нашей расейской газетой ка-а-ак вмажу! – мечтательно закатил глаза Гордон. – А потом скипетром, скипетром его! Да со всего размаху!

– Ну если все вопросы разрешены, может, стоит отпустить на сегодня боярскую думу? – спросила мужа Василиса Прекрасная.

– Все, кроме царского сплетника, свободны, – махнул рукой Гордон. С лица его не сходила мечтательная улыбка. – Обговорим частности. Как отчитываться передо мной будешь, о чем писать. Я царь-то добрый, но, ежели чего не так...

– Так его, царь-батюшка, так! – загомонила боярская дума, толкаясь уже в дверях. – На кол его, на кол!

– Если позволишь, я тоже удалюсь, – проворковала царица. – Никитушку нашего проведу.

– Иди, матушка, – чмокнул жену в щеку царь, – иди. Но только царевича мне сильно не балуй. От наук воинских зазря не отвлекай. Вы тоже идите, за дверью постойте! – приказал Гордон страже.

Стрельцы, пропустив царицу и бояр, поспешили удалиться и плотно закрыли за собой двери. Тронный зал опустел. Гордон встал с трона, подошел к столу, за которым только что писарь строчил его указы, и смахнул с него письменные принадлежности на пол.

– Ну чего сидишь? – прикрикнул он на Виталия. – Ишь глаза выпучил, словно лягух. Тащи боярские тюрбаны сюда.

Юноша с трудом поднялся и, осторожно балансируя, двинулся к столу, крепко прижав к груди норовящие вырваться из его рук тяжеленные шапки.

– Шапки отдай.

– Чего? – Вот тут-то юноша действительно выпучил глаза.

– Шапки, говорю, отдай.

– Так это ж за испорченный товар!

– Щас скипетром в лоб закатаю – будет тебе товар.

Гордон выдернул из рук Виталия одну из шапок и высыпал ее содержимое на стол.

– Сыпь остальное.

Царский сплетник послушно высыпал.

– Ну-с, приступим. Как делить будем? По закону аль по совести?

– По совести, – твердо сказал юноша, нутром чуя, что его сейчас будут обувать.

– Идет. Значит, так: это мне, это тебе, это мне, это тебе...

Царь быстро раскидал добычу на две неравные кучи. Его куча была раз в десять больше жалкой кучки Виталия, и в ней, по странному стечению обстоятельств, оказались все самые дорогие перстни с брюликами.

– И это называется по совести? – ужаснулся царский сплетник. – Не, так не пойдет. Давай по закону.

– Молодец. Люблю законопослушных подданных. – Царь подтащил кучку Виталия на свою половину стола. – Вот тебе двадцать пять золотых, – отсчитал Гордон нужное количество монет. – Это твое жалованье за месяц, и можешь быть свободен.

– Охренеть! А за испорченный товар?

– Ты мне чего гонишь? Он у тебя весь цел. Даже портки твои драные Янка заштопала так, что ты этого не заметил.

– Ладно, тогда за моральный ущерб!

– Держи! – откинул в кучку Виталия пять золотых монет Гордон.

– А на газету?

– Держи еще пять.

– Да что я на эти деньги сделаю? – завопил юноша. – Нет, ну так работать нельзя! Я ведь подсчитал, сколько сегодня на лавках бояр сидело! Двадцать штук, не меньше. Ты же с них двадцать тысяч снял!

– Ты меня недооцениваешь! Даже обидно. Чтоб я ради такой мелочи свое драгоценное время тратил? Ты что, думаешь, в мою думу все бояре подряд допускаются? Я снял восемьдесят!

– Тьфу! Ну и где твоя совесть?

– А мы не по совести, мы по закону делим. Или ты думаешь, что твоя газета без налогов работать будет? Это проценты от твоей будущей деятельности, – ласково погладил свою кучу Гордон.

– Вот это вот проценты? – ужаснулся корреспондент.

– Ну не все, конечно. Львиная доля здесь за идею и продвижение бренда. Как я бояр лихо развел, а?

– Царь-батюшка, – насторожился Виталий, – а откуда ты такие мудреные слова знаешь?

– А ты думаешь, твой царь-батюшка лыком шит? Он, между прочим, где только не побывал, где только не учился. В молодости по заморским странам поездил. И в Испании, и во Франции, и на Сицилии был.

– Сицилии? Это заметно.

– Чего? – напрягся царь.

– Да нет, ничего. Уж больно страны забавные для обучения выбраны.

– Ладно, давай уже, не ломайся. Забирай свой гонорар и начинай работать!

– А ведь мне еще с кузнецами насчет шрифтов договариваться, – простонал юноша, глядя на свою жалкую кучку, – с плотниками, столярами насчет типографского станка, бумагу закупать... Царь, да ты же меня без ножа режешь!

– Ты что, больной или по мастеровым еще не ходил?

– Я уже не больной. По мастеровым еще не ходил. Меня ж Янка только вчера с постельного режима сняла.

– Тогда с тобой все ясно. Бумага у нас в Великореченске правда дорогая. Купцы иноземные за нее цену несусветную ломают, но того, что я тебе по доброте душевной откинул, на все твои газетные дела с лихвой хватит, да еще потом и останется.

– Добавь хоть это к гонорару. – Юноша выхватил из царской кучи жемчужное ожерелье.

– Думаешь, оно тебе будет к лицу? – хмыкнул Гордон.

– Мне нет, а вот Янке да.

– Ну если Янке, то забирай! – рассмеялся царь. – Нравишься ты мне, парень. Эх, чувствую, закрутим мы тут с тобой дела!

Глава 5

Виталий шел по направлению к дому Янки Вдовицы, напряженно размышляя над словами царя Гордона. «Если работа здесь действительно стоит копейки, то развернуться можно. Материал, правда, дорогой. Похоже, с бумагой, и верно, напряг. Царь меня, конечно, напарил, слов нет. Содрал с бояр по двадцать пять золотых с рыла на мое содержание, а с учетом боярского поголовья Руси это две тысячи, причем в месяц, а не в год. А мне ссудил только двадцать пять монет, не считая заныканного стартового капитала в размере восьмидесяти тысяч. Грабеж среди бела дня! Ай да царь! Как последнего лоха обул. А я чем хуже? При первом же случае отплачу той же монетой. Да я со своими знаниями здесь такое сотворить могу, такое состояние сколочу, что наши олигархи, присосавшиеся к нефтяной трубе, от зависти удавятся! Для этого, правда, надо суметь еще со всем этим состоянием обратно домой вернуться. Представляю, что сейчас дома творится, – тяжело вздохнул парень. Мама небось корвалол литрами пьет, редакция ментов на уши поставила – корреспондент ведущей краевой газеты пропал! А как вернуться назад? То, что я сейчас в каком-то параллельном измерении, понятно сразу. Нашим прошлым здесь и не пахнет, будущим тоже». Юноша точно знал, что не было на Руси никакого царя Гордона, как и оборотней, и наглых котов-баюнов. Это все сказки, которые в данном измерении стали былью. Тут Виталик вдруг вспомнил теорию одного чудаковатого филолога, над статьей которого он, помнится, долго ржал. Товарищ на полном серьезе утверждал, что когда-то все эти сказочные существа жили спокойно по соседству с поселениями людей, но потом, по мере того как человеческая раса разрасталась, захватывая все новые и новые территории, вынуждены были эмигрировать в другие миры. Короче, выперли мы их из своего жизненного пространства, и все дела. А вот память о них в былинах и сказках осталась.

«Итак, – начал рассуждать юноша, неспешно двигаясь по улочкам Великореченска, – если я, расследуя самое обычное дело о продаже оружия, которое наверняка сперли с какого-то военного склада, очутился здесь, то, значит, Ваня Лешак и та милая старушка с зеленоглазой девицей мне в этом поспособствовали. А что это значит? Это значит, что у них есть канал, через который они прыгают туда-сюда... Точно! Лешак же сам говорил, что я клиентов какого-то Костлявого на нары определил. Наверняка либо из их же шайки кадр, либо кто-то из конкурентов. Так вот откуда эти архаровцы антиквариат получали. Замечательно! Просто замечательно! Выходит, не все еще потеряно, и я имею шанс вернуться обратно, и, возможно, не с пустыми руками. – Юноша ласково погладил притороченный к поясу туго набитый золотыми монетами кошель, презентованный ему на прощание царем. – Главное – найти кого-нибудь из этой троицы. Вопрос: а где их искать? Ответ – раз участвуют в аферах с антиквариатом и занимаются торговлей оружием, значит, искать их надо в местных криминальных структурах. Это уже хуже. Криминал в свою среду чужих так просто не пускает. А если царя-батюшку на это дело поднапрячь, то станет еще хуже. Гордон будет резко против. Он на мне уже восемьдесят штук заработал и неизвестно, сколько еще заработает. Так что этот вариант можно сразу забыть. Я ему нужен для другого. Стоп! А чего я парюсь? У меня ведь уже есть выход на криминал! Янка Вдовица и ее личный зоопарк! Васька же прямым текстом сказал, что она там у них в авторитете. Ей многие жизнью обязаны! Хотя Васька кадр еще тот! Ненадежный, собака! В смысле: кот ненадежный. Он и меня уже в криминальные авторитеты зачислил... Ладно, держим нос по ветру, а дальше будем посмотреть».

Голоса за забором скромного двора, мимо которого в этот момент проходил царский сплетник, заставили его насторожиться. Уж больно характерные это были голоса. Виталий не раз в своей жизни сталкивался с этими надменными интонациями громил, диктующих условия своей беззащитной жертве.

– А нам на это наср... И царь нам твой не указ. Мы не на него работаем. За тобой должок, кузнец. Никола по доброте душевной тебе навстречу идет, а ты морду от него воротишь. Думаешь, свое подворье еще кому продать? Не выйдет. А ну поддайте ему еще... – Судя по звукам, доносившимся до юноши со двора, там кого-то обрабатывали ногами. – Хватит, хватит! Ему еще бумаги подписывать. А ты, Ваня, не волнуйся. Убивать мы тебя сегодня не будем. Так, немножко поучим. Ручку ломаем, ножку, а если и это не поможет, за твою родню возьмемся. Сам ты сирота, но у тебя племянница подрастает. Сколько ей? Годков четырнадцать уже есть? Нет? Какая досада. А на вид девка ладная. По мне, так в самом соку. Я вот думаю: самому с ней поиграться аль татарам продать?

Возможно, Виталий и прошел бы мимо. Во все терки криминалитета с местными аборигенами вступать было просто глупо, да и слава Робин Гуда юношу никогда не прельщала, но последние слова отморозка Виталика взбесили, и он решительно шагнул в приоткрытые створки ворот внутрь двора. Жертва – огненно-рыжий конопатый парень – копошился на земле, пытаясь встать, но мучители ударами ног постоянно сбивали его обратно на землю.

– Да свяжите вы ему руки! – сердито прикрикнул на своих поделньников главарь банды, поигрывая кистенем.

Трое из пяти отморозков навалились сверху на парня и начали его вязать.

– Бог в помощь, люди добрые, – вкрадчиво сказал Виталий.

– Тебе чё надо? – хмуро буркнул главарь. Окинул взглядом импозантный костюм юноши, удивленно вскинул брови, поскреб пятерней подбородок, взлохматив бороду. – Иноземец, что ль?

– Угадал. Вот решил перед обедом прогуляться, а тут шум, гам. Я и подумал: может, помощь нужна?

– Не нужна нам твоя помощь, иноземец. Сами справимся.

– Да я вообще-то не вас имел в виду. Парень, тебе помощь не нужна?

Конопатая жертва изумленно посмотрела на юношу и отчаянно закивала.

– Да ты, иноземец, никак приключения ищешь? – ощерился главарь, выставив напоказ редкие пеньки гнилых почерневших зубов.

– А почему бы в такой прекрасный день не найти приключения на ваши жирные задницы? Я бы на твоём месте сам себе последние зубки пальчиком расшатал. Когда за дело возьмусь я, будет больнее.

– А купец-то борзой, – хмыкнул один из разбойников, вынимая из-за голенища сапога нож.

– Можя, у него и денежка при себе есть.

– А как же! – Виталий выудил горсть монет, продемонстрировал его опешившим бандитам, ссыпал червонцы обратно и аккуратно затянул на кошеле завязки. – Но их еще надо взять.

– Ух и ни...

– Сам напросился!

В глазах бандитов вспыхнул алчный огонек. Они оторвались от своей жертвы и двинулись на ненормального купца, бросившего им вызов. Царский сплетник не выглядел мощным бойцом и казался легкой добычей.

– Ну что? Потанцуем, ребята?

Юноша ловко уклонился от удара кистеня, перехватил свистнувшую около уха гирьку, рывком подтянул не ожидавшего такого финта главаря к себе и ударом локтя свободной руки вынес его челюсть вместе с гнилыми зубами набок.

– Говорил же тебе: сам пальчиком расшатай!

Следующий удар коленкой в пах заставил главаря завизжать уже явно не мужским голоском.

– Меняй ориентацию, придурок. Девочек тебе уже нечем портить.

Виталий отшвырнул согнувшееся пополам тело главаря рванувшим в атаку бандитам, сбив на землю сразу трех нападавших так, что образовалась куча-мала, четвертого лихим ударом ноги отправил туда же и начал эту кучу обрабатывать. Бил безжалостно, со всего размаху, прямо по мерзким харям, вышибая носком ботинка зубы и ломая им носы.

– Малолеток насиловать? Я вам дам малолеток. Я вас всех, суки, без ножа кастрирую...

Закончив косметическую обработку бандитских рож, разъяренный юноша приступил к кастрации прицельными ударами ноги по причинным местам противников. Один из бандитов попытался выползти из общей кучи, и даже махнул в сторону Виталия ножом. Раздался тошнотворный хруст костей, и разбойник тут же рухнул обратно на землю с неестественно вывернутой в локтевом суставе рукой.

На этом, собственно, баталия и закончилась. Все пятеро качков лежали аккуратной кучкой на земле и не трепыхались.

– Ты их что, это... всех того? – прогудел конопатый, пытаясь подняться с земли.

– Да нет, живы вроде. – Юноша склонился над телами бандитов, прислушался, пощупал пульс. – Оклемаются. Просто в отключке.

Успокоившись за их судьбу и довольный тем, что не взял грех на душу, Виталий переключился на спасенного им парня:

– Как же это они тебя, такого бугая, в оборот взяли?

Парнишка действительно был нехилый. Под порванной белотканой рубахой бугрились мышцы, которым позавидовал бы Шварценеггер.

– Да я только из кузни вышел, и сразу – брыкс! А тут они со всех сторон навалились.

Виталий присмотрелся и понял, как отморозки сумели взять богатыря. Ноги его запутались в веревке с двумя увесистыми камешками на концах. Кто-то из разбойников ловко сумел метнуть в него боло.

– А ты, случаем, не кузнец? – Царский сплетник помог парню освободиться от пут.

– Ага. Здесь и дом мой, и кузня моя. Это ж мое подворье.

– Тебя как звать-то?

– Ванька Левша.

– Кто?!!

– Ванька Левша.

– А это не ты ли меня дрыном благословил? – начал засучивать рукава царский сплетник.

– Это когда? – выпучил глаза Иван.

– Неделю назад.

– Чегой-то я такого не помню, – задумался кузнец.

– А я напомним. Штоф я твой случайно разбил...

– Штоф? – насторожился парень.

– Штоф.

– Полный?

– Полный.

– Вдребезги?

– Вдребезги.

– Да я тебя... – Руки кузнеца потянулись к горлу Виталика. – ...Оу-у-у. – Ванька Левша согнулся пополам, получив под дых.

– Вот теперь квиты, – удовлетворенно хмыкнул царский сплетник, потирая костяшки пальцев, – хотя мне от тебя в прошлый раз больше досталось. Однако причина для недовольства у тебя была уважительная. Прощаю. А теперь рассказывай.

– Чего рассказывать? – хмуро пробурчал Ванька Левша.

– Рассказывай, чего от тебя этим уродам надо было. Очень мне не понравилось, как они твою племянницу изнасиловать грозились. Потому я в ваши терки и ввязался.

– Подворье мое купцу Николе глянулось, вот он меня и подставил, – понурился кузнец.

– Вот это вот? – недоуменно повертел головой Виталик.

По сравнению с подворьем Янки Вдовицы подворье кузнеца было более чем скромное. Около двадцати соток земли, на которых располагался неказистый одноэтажный домик, кузня и просторный сарай, со стороны которого легкий ветерок доносил запах свежей древесной стружки.

– А чего удивляешься-то? В Верхнем граде знаешь сколько нынче земля стоит?

– Да я не знаю даже, что здесь есть Верхний град. Это как понимать? Растолкуй.

Кузнец неопределенно хмыкнул, сел на корточки и своим толстым пальцем нарисовал в пыли неровный круг.

– Сначала наш город был вот такой, маленький. Его, как положено, стеной крепостной обнесли. Да вон она, ее отсюда видно, сам погляди.

На крепостную стену, которую видно было прямо с подворья кузнеца, юноша оборачиваться не стал.

– Видел уже, дальше.

– Это была первая стена. Потом город разрастаться начал. Много новых домов вокруг построили. Пришлось еще одну стену делать. – Кузнец окольцевал первый круг вторым, размерами побольше. – Это Средний град. А город все равно растет. Ну и пришлось третью стену делать от нашествия врагов всяких. Это Нижний град. Почти вплотную к Великой реке третья стена подошла, прямо к портовой пристани.

Ванька Левша нарисовал третий круг, а заодно изобразил и русло протекающей рядом реки.

– У вас тут и порт есть? – удивился юноша.

– А ты на чем сюда приплыл, купец иноземный? – в свою очередь удивился кузнец.

– У-у-у... на чем я сюда приплыл, лучше тебе не знать, – закручинился царский сплетник. – До сих пор подозреваю, что в ходе очередного журналистского расследования деятельности какого-нибудь наркобарона тему слишком хорошо вкурил. Однако не надо о грустном. Ты лучше не отвлекайся. Рассказывай, что дальше было.

– Чего там рассказывать. Местный я, коренной. Кузнец потомственный. Мои предки испокон веков здесь жили, когда и града-то не было. Так, деревушка махонькая стояла. Мой прапрадед каменщикам первую стену сооружать помогал. Вот земля-то и оказалась в Верхнем граде. Кузня, дом, банька. А я тут еще и столярную мастерскую построил, – кивнул Ванька Левша на здание, которое Виталик сначала принял за сарай. – Люблю это дело. С детства деревянные ножи, мечи, сабельки из дощечек вырезал, а потом в кузне такие же выковывал. Во всем Великореченске лучше меня никто мечи да ножи с рукоятями узорными еще не ковал. Вот Никола-купец и попросил меня нож ему богатый изготовить. Камнями самоцветными ножны украсить. Две гривны на материал не пожалел, обещался, ежели нож хороший справлю, рублем серебряным потом отблагодарить. Ну выковал я ему нож булатный, ножны узорные лалами да яхонтами отделал. При нем во-о-от такие гвозди, – развел руки кузнец, – ножом, как капусту, порубал. Ни одной зазубринки на лезвии не осталось. Им наковальню строгать можно!

– И как, одарил тебя рублем купец?

– Одарил. При свидетелях, да при этом приговаривал, что цельных три золотых червонца мне на материал выделил. Хотел я его было пристыдить, да не стал. Думал, так просто, перед людьми бахвалится, богатством кичится. А через неделю приходит Никола со своими людьми и обломки ножа мне под нос сует. Ты что ж, говорит, такой-сякой, мне за такие деньги простую железку подсунул? Обида меня взяла. Я ж сразу по разводьям увидел, что

какой-то хитрец его в горне специально перекалил и в воду потом сунул. Моейковки ножи так просто не ломаются. А купец все разоряется: возвращай, говорит, обратно мои деньги в размере трех золотых, да еще и рупь серебром, что я тебе пожаловал. А ежели, говорит, нечем возвращать, подворье свое мне отдавай! Сроку тебе десять ден. А откуда у меня такие деньги? Я ж его гривны все на материал пустил. Заработать? Так он меня так ославил, что все заказчики от меня, как от чумного, шарахаются... – Ванька Левша безнадежно махнул рукой.

– Ясно. Стандартный рейдерский захват.

– Чего? – не понял кузнец.

– Ничего. Это выходит, купчишка за три жалких золотых все твоё хозяйство вместе с землей оттяпать хочет?

– Ну да. Хозяйство мое ему, правда, ни к чему. Ему земля нужна. Он все из купцов третьей гильдии в купцы первой гильдии метит. Вот для своих дел мою землю и присмотрел.

– И ради этого братков своих на тебя засылает, – задумчиво пробормотал Виталий, о чем-то усиленно думая.

– Я-то чё... мне родню жалко. Эти, – кивнул на тела бандитов кузнец, – в случае чего, никого не пощадят. Я ить потому с горя-то на последние денежки в запой и ушел. Ты уж извини меня, купец, что тебя тогда задел ненароком.

– Проехали. Я не злопамятный. Отомщу, забуду и снова отомщу. Одного не пойму. Почему от тебя все клиенты шарахаются? Неужто из-за одного этого ножа?

– Не, – мотнул огненной шевелюрой Левша, – они Николы боятся. Слухи о нем нехорошие ходят. Поговаривают, с татями ночными дружбу водит. Потому с ним никто связываться и не хочет.

– Поговаривают, – усмехнулся Виталик, глядя на начинающих слабо трепыхаться бандитов. – Ну-с, суду все ясно. Так ты у нас, выходит, и по кузнечному делу мастер, и по столлярному?

– Сызмальства к этим ремеслам приучен. Но больше я по дереву резать люблю. Фигурки там всякие, цветочки, – мечтательно вздохнул кузнец.

– То, что надо. Читать-писать умеешь?

– А как же? Еще батюшка нашего царя Гордона всех грамоте велел обучать, чтоб слово Божие сами читать могли. У нас только старики грамоту не разумеют. Да и то не все.

– Замечательно. Значит, по Библии грамоту изучал. Наверняка наизусть первую страницу помнишь.

– Помню.

– А сможешь эту самую страницу на доске деревянной вырезать в зеркальном варианте?

– В каком? – опешил Иван.

– В зеркальном. Ну чтоб буковки в тексте наоборот смотрелись.

– А ты, купец, не из арабов? Только они задом наперед бумагу марают.

– Успокойся. Русский я. Но буковки мне именно такие, как ты сказал, и нужны. Наши, русские буковки. Короче: нормальный текст к зеркалу подносишь и то, что в отражении увидишь, вырезаешь. Сможешь такую дощечку вырезать?

– Да я и две смогу.

– Вот на такой дощечке! – азартно развел руками юноша, показывая желательные габариты. Они у него получились размером в развернутый газетный лист.

– На такую дощечку и четыре страницы лягут, – почесал затылок Иван. – Но ты, боярин, не бойсь – смогу! Заглавные буковки узорчатыми делать, чтоб красивше было, али как?

– Хотелось бы.

– Сделаю!

– И сколько тебе надо, чтобы такую дощечку вырезать?

– К вечеру управлюсь.

– Я не о времени, хотя оно тоже роль играет. Сколько денежек за такую работу попросишь?

Ванька Левша замялся.

– Алтын... – кузнец робко посмотрел на царского сплетника, – ...это для тебя, купец, не очень дорого?

– Будет тебе алтын, – решительно сказал юноша, мысленно помянув царя-батюшку недобрым словом. Сделаешь тут при таких ценах газету! Он не знал точно, почему здесь в золотых алтын, но почему-то был уверен, что это очень и очень много. Однако хороший мастер для его дел был нужен позарез, и он не стал торговаться.

– Так, Ваня. С этого дня я тебя на работу к себе беру, – громко сказал он, заметив, что глава разбойников уже пришел в себя и напряженно прислушивается к их разговору. Остальные разбойники тоже уже шевелились, и кое-кто даже пытался встать на ноги. – И если на тебя кто-нибудь еще наедет, скажешь, что работаешь на государственного человека, царского сплетника. А если с тобой или с твоей семьей что-нибудь нехорошее случится, царский сплетник потолкует по душам с царем Гордоном, тот поднимет всю свою стражу, они разыщут татей и всех, вместе с купцом Николой, посадят на кол.

– На кол – это больно, – поморщился Левша. – Сам не пробовал, но мне рассказывали.

– Неужто кто-то с кола сумел уйти? – рассмеялся Виталий.

– Были такие умельцы.

– Ну кол – это лучшее, что им грозит.

– А что может быть хуже? – удивился кузнец.

– Хуже, если я займусь ими лично. Знал бы ты, как я не люблю извращенцев, издевающихся над маленькими девочками. Ой что я с ними делаю-у-у... Да они о колах в задницах после этого мечтать будут!

Его вдохновенная речь принесла свои плоды. Объятые ужасом бандиты, подвывая, начали уползать прочь с подворья, спеша свалить куда подальше от этого ненормального купца, оказавшегося государственным человеком, хотя что это за должность такая – царский сплетник, – никто из них не знал. А от этого было еще страшнее.

– Ну барин! Раз ты со мной так, то и я к тебе со всей душой! – Чувствовалось, что была бы шапка на солнечной голове Ваньки Левши, он бы шлепнул ее об землю. – Жди меня завтра поутру, барин! Все для тебя даром сделаю!

– А вот даром не надо! – строго сказал государственный человек. – Каждый труд должен быть достойно оплачен. Вот тебе задаток.

Юноша выудил из кошелька золотой и кинул его Ваньке. Кузнец поймал монету, освидетельствовал на ней чеканный лик царя Гордона и рухнул в обморок.

– Эй, ты чего? – заволновался Виталий и начал приводить его в чувства проверенным методом пощечин. – Надо же, никак припадочного нанять умудрился.

– Барин, – открыл глаза кузнец, – я тебе этих досок столько наделаю!

– Пока одной достаточно. Главное: сделай качественно, по уму.

– Сделаю, – жарко выдохнул Иван. – Куды ее потом принести?

– Принести, отнести, – усмехнулся Виталий. – Эх ты, грамотей. К терему Янки Вдовицы принесешь. Царь-батюшка меня к ней на постой определил.

– Ой, барин! – вскочил на ноги кузнец. – Не надо бы тебе там на постое быть! Она, конечно, лекарка знатная, всем по-соседски забесплатно с хворями помогает, только слухи о ней нехорошие ходят.

– Какие слухи?

– Говорят, она не только честной народ, но и татей ночных лечит. Вот придут к ней такие ночью, а ты там. Ограбить али убить могут!

– Ну с татями я как-нибудь разберусь, – отмахнулся Виталий. – И ограбить меня не так-то просто. Не то что тебя.

– Да ежели б они меня этой веревкой с камнями не опутали, – начал оправдываться кузнец, – я бы им задал!

– Ну да. Я бы ему дал, если б он меня догнал.

– А ты не смейся, барин, – насупился кузнец. – Я ж в драке из первых. Меня ж не за просто так прозвали Ванька Левша.

– А за что?

– За то, что я только с правой бью. А ежели я с левой быку-трехлетке меж рогов дам, он уже не встанет.

– Спасибо, Ваня, что ты меня в прошлый раз обычным дрыном саданул, а не рукой.

– Так я ж при понятиях. Я с левой убить могу. А дрыном это я так, считай, приласкал.

– Неплохо приласкал. Меня потом неделю Янка выхаживала. Хорошо, что не с левой.

– Это да. Ежели с левой, Янка бы тебя не выходила.

– Гав! – До боли знакомый хвостик мелькнул в створе ворот подворья кузнеца, и царский сплетник сразу заторопился домой.

За время болезни он уже успел сдружиться с буйной компанией, живущей у Янки Вдовицы, терем которой все чаще мысленно называл своим домом...

Глава 6

Встретила его Янка очень ласково: прямо с порога попыталась огреть ухватом. Юноша едва успел увернуться.

– Ты что, белены объелся?

– Тот же вопрос я хотел задать тебе. – Виталий метнулся в гридницу и занял безопасную позицию: между ним и Янкой теперь находился стол.

– С такой кучей золота без охраны по городу шастаешь, да еще перед носами татей им трясешь! Тебе что, жить надоело?

– А все-таки это была Жучка, – хмыкнул юноша, вспомнив мелькнувший в воротах хвостик.

– Попрошу без оскорблений, – сунул оборотень нос в гридницу. – Не надо путать пол. Я не Жучка, а Жучок.

– Значит, соглядатая за мной пустила...

– А ты думаешь, я такого дурака великовозрастного без охраны на первую прогулку по городу отпущу?

– Мерси за заботу. А чего ж этот охранник мне в драке с татями не помогал?

– Я чё, больной? – возмутился охранник. – Да вы б меня там затоптали! Я ма-а-аленький, – вильнул хвостиком Жучок.

– Я для того тебя тут выхаживала, чтоб потом ты в ближайшей подворотне на нож нарвался? – продолжала бушевать девица. – Да лучше я тебя сама сейчас прибью!

Ухват просвистел над столом, но до Виталия не достал.

– Это есть противозаконное деяние, – пропыхтел юноша, бегая вокруг стола от разъяренной Вдовицы, которая жаждала огреть его ухватом. – Вооруженное нападение на государственного человека во время исполнения им служебных обязанностей.

Внезапно перед царским сплетником возник огромный волк:

– Р-р-р...

Юноша резко дал по тормозам, рванулся в обратную сторону и в его объятья вляпалась Янка Вдовица с ухватом на замахе. Руки Виталия сами собой сомкнулись на талии девушки. Ухват полетел на пол. Кулачки Янки забарабанили по груди царского сплетника:

– Отпусти немедленно!

– Ни за что! Пока не поцелуешь, не отпущу.

– Сейчас Ваську позову – хуже будет.

– Все равно пока не поцелуешь, не отпущу.

– Жучок, зови Ваську.

– Не могу, – прорычал волк, – занят он.

– Чем?

– Яйца лижет.

– Тогда ты его от меня убери!

– Извини, хозяйка, но я в амурные дела не лезу.

– Чего?! – ахнула Вдовица.

– Замуж тебе пора, говорю, вот чего!

– Я тебе дам «замуж»!

Силенок у девицы оказалось гораздо больше, чем предполагал Виталик. Это он сообразил уже в полете. Жучок пулей высвистнул из горницы в сени. Вслед ему полетел ухват.

– Эх, надо было самому тебя чмокнуть, пока не опомнилась, – простонал царский сплетник, поднимаясь с пола. – Извиняюсь, мой косяк. Учтем на будущее.

– Болван! Навязался на мою голову. Вот царю-батюшке пожалуюсь, он тебе задаст!

– Слушай, а откуда ты его знаешь? – насторожился Виталий. – Он к тебе клинья случайно не подбивал?

– Ну ты и дура-а-ак... я ж лекарка. Всех лечу. Царя-батюшку тоже пользовала. Он иноземным эскулапам не доверяет. И правильно делает.

Виталий окинул взглядом раскрасневшуюся после баталии девицу. Она была так прелестна и соблазнительна в своем голубеньком сарафане, что юноша невольно судорожно вздохнул и поспешил диким усилием воли загнать гормон туда, откуда он опять вылез.

– Янка, а давай сходим в ресторан.

– Не пойду.

– Да ты небось и не знаешь, что такое ресторан, потому и отказываешься, – принялся подначивать ее хитрый журналист.

– Знаю, но не пойду.

– А почему?

– Я с дураками по ресторациям не хожу.

– Да ладно тебе, Янка, я ж типа извиниться перед тобой хочу за то, что выходила, отблагодарить. Посидим в спокойной обстановке. Ты мне что-нибудь интересное расскажешь, я тебе чего-нибудь загну.

– Не пойду!

– Ты смотри, – пригрозил царский сплетник, – а то ведь я сейчас пойду еще какую-нибудь девчонку незамужнюю приглашу.

– Ага, – хмыкнула девица, – пойдешь. Только далеко не уйдешь. Сразу оглоблей промеж глаз словишь.

– Это еще почему?

– Ну ты дура-а-ак! – В гридницу вальяжной походкой вошел кот.

– Чего вы сразу обзываетесь-то? – обиделся Виталий. – Вместо того чтоб толком объяснить...

– С таким предложением к вдовушке с обрезанной косой еще подкатиться можно, – кивнул Васька на свою хозяйку. Янка согласно кивнула, разметав копну каштановых волос по плечам. – А к незамужней кто ж тебя подпустит? Отец с братьями враз за дрыны да топоры возьмутся. Кто ж тебе ее позорить позволит? С папкой да с мамкой красотке с девичьей косой в ресторацию еще можно, ежели денег хватит, а с посторонним мужиком... Не, ты точно псих!

– Так, иди и лижи свое хозяйство дальше, не мешай мне проводить амурный политес, – разозлился царский сплетник и бесцеремонно вытолкал обалдевшего от такой наглости кота из гридницы. – Вот видишь, Янка, – повернулся он к девушке, – это судьба. Придется тебе со мной в ресторацию идти.

– Это еще почему?

– Потому что иначе я один пойду во все тяжкие пускаться. Пройдусь по всем портовым кабакам, вляпаюсь в какую-нибудь историю, меня там прибьют, а тебя потом совесть замучает, и ты с горя утопишься. Ну на фига мне такие расклады?

– По портовым кабакам, – покачала головой девица. – Смерти, что ли, ищешь?

– Нет, информации. Я ж царский сплетник. Мне для моей газеты свежие новости нужны.

– Так ты ради своей долбаной информации меня в ресторан приглашаешь? – уперла кулачки в бока Янка.

– Нет, только ради тебя. Просто у меня аргументы кончились, и я скатился до элементарного шантажа.

Девушка невольно рассмеялась.

– Так и быть. Схожу с тобой в ресторан. За тобой, обалдуем, и впрямь приглядеть надобно, пока ты тут не обтесался.

– Умница! И вообще, побудь моим гидом, хотя бы на первое время! Город покажи, местные достопримечательности. Глядишь, постепенно и привыкнешь ко мне...

– Обалдуй! – с удовольствием повторила девица. – Ладно, поработаю на тебя гидой.

– Гидом, – поправил Виталий.

– Гид – это он, а гида – это она. Тоже мне грамотей. Русского языка не знаешь. И за какие такие заслуги царь-батюшка царским сплетником тебя назначил? Ума не приложу. Жди здесь. Сейчас я в порядок себя приведу, и через полчаса вместе пойдем пускаться во все тяжкие.

Каблучки девицы застучали по ступенькам вверх. Янка спешила в свою горницу приводить себя в порядок.

– Мне, пожалуй, тоже подготовиться надо.

Виталий поднялся на второй этаж, зашел в спальню, вытащил из-под кровати свою сумку и начал в ней копать. Царь-батюшка все его личные вещи в целости и сохранности приказал оставить при нем, за что Виталий был ему искренне благодарен. Кое-какие шпионские штучки в его новой работе могут очень пригодиться. Юноша решил совместить полезное с приятным и захватить с собой в ресторан полный джентльменский набор, который, по его мнению, должен был иметь при себе каждый приличный журналист, выходящий на охоту. В этот набор входил диктофон, несколько «клопов» с радиусом действия до двухсот метров и пара миниатюрных динамиков-капсул со встроенными элементами питания. В этом мире ими пользоваться абсолютно безопасно, так как до таких технических новинок он еще не дорос, и радиоперехвата можно было не бояться. Под руку попался мобильник. Его мобильник, а не тот, что Вася Привокзальный спер у какого-то загулявшего олигарха. А вдруг он и здесь работает? Виталий посмотрел на потухший экран, мысленно перекрестился и включил телефон. Картинка на дисплее показала полное отсутствие сигнала. Царский сплетник тяжело вздохнул, зачем-то покопался в почте и замер, увидев две эсэмэски, отправленные в тот же день, когда его прищучили на станции сортировочной. Откуда СМС? Он же в тот день ничего не отправлял, это юноша помнил абсолютно точно! Стараясь не дышать, Виталий открыл первое сообщение.

«Мама, папа, меня послали на полгода в длительную командировку в такую глухомань, где даже связь не работает. Сотовый не берет. Так что вы за меня не волнуйтесь. У меня все путем. Целую, Виталий».

– Опаньки! Кто же это за меня успел отписаться? Ну и ну! А тут у нас что?

Вторая эсэмэска дополняла первую.

«Главному редактору. Петр Николаевич, срочно оформите сегодняшним числом мне отпуск за свой счет. Вышел на новое дело. Статья получится – закачается! Это будет бомба! Однако повозиться с ней придется. Через полгода, если повезет, ждите назад, а если нет, значит, застрял с этим делом надолго. Так что на мое место временно кого-нибудь подберите, но, когда вернусь, чтоб рубрику мою отдали назад! Войко Виталий Алексеевич».

– Вот это да! – ахнул юноша. – Обложили по полной программе. И ведь как грамотно и плотно! Ни дома, ни на работе искать не будут. А через полгода ищи-свищи потом. Сгинул человек, и все дела. Хорошо хоть мама с папой волноваться теперь не будут... как минимум полгода. Ладно...

Виталий вынул из сумки свой шпионский набор, подумав, откинул в сторону диктофон, а остальное засунул в нагрудный карман рубашки. Набор был такой миниатюрный, что карман даже не оттопырился. Царский сплетник покосился на кошель, притороченный к поясному ремню. Все с собой таскать несподручно. Какие цены в местных ресторанах, он не знал, но решил, что пяти золотых точно хватит. Выудив из кошелька пять монет и жем-

чужное ожерелье, юноша растолкал деньги и подарок Янке по карманам брюк, а сам кошель закинул в сумку и задвинул ее под кровать.

– Вот теперь я готов покорять Великореченск и сердце нашей вдовушки!

Кто-то за его спиной горестно вздохнул. Виталий обернулся. С подоконника распахнутого окна на него жалостливо смотрел кот. На этот раз Васька имел габариты нормальной черной киски, голова которой вряд ли бы достала до коленки царского сплетника.

– И все-таки ты дурак.

– А чем тебя не устраивает такой жених для твоей хозяйки? Жучок вон не против. Прямо так Янке и сказал – замуж тебе пора!

– Этот Жучара скажет, – вздохнул кот, – оно и понятно. У него в этом деле свой интерес.

– Какой интерес? – насторожился юноша.

– Да ты хоть знаешь, что с Янкиным первым мужем произошло, убогий?

– А у нее что, и второй был?

– Пока нет. Вторым ты на очереди намечаешься. Сочувствую.

Кот отвернулся от Виталия, разлегся на подоконнике и подставил свое мохнатое брюхо под ласковые солнечные лучи, намекая, что разговор окончен.

– Э, хвостатый, ты, я чувствую, чего-то недоговариваешь.

– И не договарю. Жизнь, она, знаешь ли, дороже. Я тебя предупредил, чтобы ты в женихи не рвался?

– Предупредил.

– И хватит с тебя, отвали.

– Васька, колись, раз начал.

– Сказал: отвали!

– Не расскажешь – я тебя Жучку сдам. Сам говорил, у него в этом деле личный интерес.

– Ну ты и гад! – подпрыгнул Васька. – Я к тебе со всей душой... – Кот перегнулся через подоконник, посмотрел вниз, повертел головой и, не обнаружив поблизости посторонних ушей, начал колотиться, перейдя на таинственный шепот: – Но только смотри у меня, сплетник, чтобы все было строго между нами! Если хозяйка или этот коврик для блох про то, что я тебе сейчас расскажу, узнают – нам обоим хана! Лично меня хозяйка собственной ручкой за хвост подвесит.

– Ну и чего? Повисишь.

– Так она ведь вместе с хвостом и еще кой-чего прихватить может. Нет уж, уволь.

– Да, это уже серьезней. Уговорил. Я буду нем как могила! – торжественно поклялся юноша.

– Будешь языком зазря чесать, там и окажешься, – успокоил его Васька. – Ну значит, так. Хозяйка у меня, сам знаешь, девка не простая. Знающая девка, ведунья.

– Колдунья, короче.

– Ну если уж совсем без дураков, то просто ведьма, – махнул лапой кот. – И такая склочная, жуть! Хотя чего еще ждать от сиротинушки?

– Она сирота?

– Ага. С четырнадцати лет без мамки с папкой росла, вот и набралась манер дурных, нехороших всяких. Ну от мамки, прежде чем ее на погост отнесли, она кое-чему научилась. Травки всякие там, заклинания. Кстати, яблочка не хочешь? – Васька кинул лежащее рядом с ним на подоконнике яблоко Виталику.

Юноша поймал его на лету и вонзил зубы в наливной бочок.

– И дальше что? – прохрумкал он.

– Дальше? А что дальше? Стала, как и мамка ее, народ лечить. Сама отвары да зелья всякие варила. А самые сильные зелья, они ведь всегда делаются на крови... – таинственно прошептал Васька. – Вот и приспичило ей такое зелье забабахать! А ведь я ее предупреждал!

Я ей говорил: не доведет до добра тебя гордыня, хозяйка! Но, что делать, не послушалась. Девка молодая, ветер в голове... Короче, пару лет назад, когда Янка наша в самую пору вошла, решила она все-таки енто зелье сварить. Ну сам понимаешь, по собственной воле кровушку-то свою никто не отдаст. Дураков нет. И влюбила она тогда в себя парня молодого. Это ей нетрудно было. Шестнадцать лет, кровь с молоком, красавица, вот Михей на нее и клюнул. Мальчик пригожий, девки за ним табуном бегали. Из семьи хорошей, зажиточной. Лучший рыбак Великореченска. На тебя, кстати, очень похож был, такой же дурак, царствие ему небесное, – лапой перекрестился кот. – И вот вскружила она ему голову и затащила под венец. Обвенчали молодых как положено, в терем сюда на первую брачную ночь привезли, а дальше... – Васька передернулся, – ...как вспомню, так шерсть на загривке дыбом. Уй, чё было-о-о...

– Что? – выдохнул Виталий, которому действительно стало не по себе.

– Ну точно сказать не могу. Свечку не держал. Но кровищи потом было-о-о... кровищи-и-и... До утра спальню пришлось отмывать. А потом я отдельные запчасти от Михея в разных местах находить начал. Ну те, что Жучара наш не дожрал. Одна нога в садике была прикопана, другая около удобств. А голову вообще в печке нашел. То ли обуглилась, то ли обглодали... думаю, последнее. Жучка нашего работа. Кровожаден наш песик, ох кровожаден!

– Так почему же ее за это на кол не посадили или на костре не сожгли? – вытер со лба холодный пот юноша.

– Так кто ж расскажет-то? Тело родственники Михея, сам понимаешь, не нашли. А иначе б сразу на костер. У нас с этим строго. И у Янки отмазка железная. Просыпаюсь, говорит, утром, ан нет моего благоверного рядом на ложе супружеском. Сквозь сон помню только, что он еще засветло вроде как из дома на двор вышел. И все! Вышел и сгинул, родимый. У нас это часто бывает. По ночам тати с кистенями по городу шастают, а с тех пор как вампиры появились, люди еще чаще пропадать стали. Вот так наша Янка-девица превратилась в Янку Вдовицу.

– Уффф... – надул щеки Виталий, – ошаршил ты меня, котяра. А после того случая ничего подобного не было?

– Замуж больше не выходила, – успокоил его Васька, – а вот кровищу периодически приходится замывать. Но ты не волнуйся. Нечасто. Раз в полгода, не больше. Последний раз замывал шесть месяцев назад... – Кот окинул задумчивым взглядом царского сплетника. – ...будем надеяться, ее зелье еще не кончилось. Иначе я тебе не завидую.

– Слышь, котяра, а ты не врешь? – набычился Виталий.

– А оно мне надо? Я ж тебя по-дружески предупреждаю. В принципе мне-то что? Чем больше вашего брата здесь сгинет, тем лучше. И Жучок сыт, и перегной от вас наваристей. Тулово Михея-то до сих пор под яблонькой гниет. Глубоко зарыли. А какой она с тех пор урожай стала давать! Яблочки один к одному, наливные!

– Оу-у-у... – Огрызок яблока выпал из руки царского сплетника. Зажав ладонью рот, он метнулся к окну, чуть не сбив с подоконника Ваську. – Бе-э-э...

Ароматная струя выплеснулась во внутренний двор. Если б царский сплетник не был так занят укрощением своего желудка, услышал бы, как за дверью его спальни катается Жучок, задыхаясь от беззвучного смеха. Сил на громогласный смех у него просто не было, и он мог только тихонечко поскуливать от избытка чувств. В коридор вышел Васька, подмигнул своему серому напарнику по шкодам, и они дружно ударили по лапам. Не хватало только энергичного «Йес!» с характерным жестом для полноты картины.

Услышав, что царский сплетник уже освободил желудок от всего лишнего, Васька поспешил вернуться в горницу.

– А я ее в ресторан пригласил, – жалобно проблеял Виталий. – И чего теперь делать? Может сказать, что животом приболел?

– Не советую, – покачал головой кот. – Вылечит и все равно заставит идти. Зря ты ее сегодня в гриднице тискал, ой зря! Но теперь уже поздно. Лучше уж сам иди, по доброй воле, может, и пронесет.

– Еще чуть-чуть, и меня точно пронесет...

– Эй, ну ты где там, ухажер? – донесся до них снизу голосок Янки Вдовицы. – С каких это пор дамы должны дожидаться кавалеров?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.